

500 и / 68

ОСТРОВЪ ВАЛААМЪ

Н. мон. 728 и

И

ТАМОШНІЙ МОНАСТЫРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1852.

5004/68

Н. мон. 7284

ОСТРОВЪ ВАЛААМЪ

И

ТАМОШНІЙ МОНАСТЫРЬ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Опекунскаго Совета.

1852.

Bayrische
Staatsbibliothek
München

Печатать позволяется, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ. 14 мая 1852 г.

ЦЕНСОРЪ Ю. Шидловскій.

Подписанному Главному Ивана
Ивановичу Марасовичу Т. Яковлеву
выражаю благодарность и предс-
твую Михаилу Яковлеву

СОДЕРЖАНІЕ.

	Стран.
Сѣверозападныя воды Ладожскаго озера .	4 — 9.
Внѣшность о. Валаама	9—17.
Никоновскій заливъ	9—13.
Часовня, во имя Св. Андрея Первозваннаго.	10—13.
Монастырскій заливъ.	13—17.
Церковь, во имя Св. Николая Чудотворца, на Крестовомъ островкѣ	15.
Очеркъ исторіи о. Валаама	17—39.
Расположеніе Валаамской обители	39—51.
Спасо-Преображенскій соборъ	43—45.
Гробницы Преподобнаго Сергія и Германа.	43.
Ризница	45—48.
Число иноковъ, священнослуженіе и обы- чай	50—55.
Валаамскій общій скитъ.	55—59.
Пустыни или уединенныя скиты.	59—60.
Св. островъ или скитъ Преп. Александра Свирскаго.	60—62.
Священнослуженіе иноковъ внѣ острова . .	62—65.

Общежительные труды иноков	65—67.
Воды и рыбныя ловли	67—72.
Почва	72—79.
Поля, луга и лѣса	79—83.
Производительность растений	83—
Животныя	84—86.
Заключеніе	86—89.

ЦЕРКОВЬ СВ. НИКОЛЯ ЧУДОТВОРЦА НА
КРЕСТОВОМЪ ОСТРОВКЪ,
ПОСТРОЕННАЯ ВЪ 1851-Г, ПО ЧЕРТЕЖУ АКА. А. М. ГОРНОСТАЕВА.

ВАЛААМЪ.

Островъ Валаамъ лежитъ въ сѣверо-западной части Ладожскаго озера. Сюда отправляется пароходъ «Петръ Великій» обыкновенно по пятницамъ изъ г. Шлиссельбурга; напути онъ заходитъ къ Коневцу и оставляетъ этотъ островъ поутру. Утро на озерѣ свѣжѣе и дольше, чѣмъ на сушѣ, но влажность воздуха легко перенести, послѣ долгаго плаванія наканунѣ. Сѣверо-западные воды представляютъ взорамъ путника одну круглую равнину, окаймленную только съ западной стороны зеленой полосой Финляндскаго берега или острововъ его, изъ которыхъ Хвощаной (попросту Вощаной, отстоящій въ 40 верстахъ отъ Коневца), встрѣчается замѣтнѣе другихъ. Но подъ влияніемъ впечатлѣній Коневской обители, осмотрѣнной въ то же утро, однообразіе водъ менѣе чувствительно. Внимательный и любопытный взоръ можетъ найти развлеченіе и въ пустынной природѣ.

Когда мелкія облака на голубомъ небѣ разсѣиваются, какъ овечье стадо, озеро отражаетъ полосатые круги чернаго и синяго цвѣта, тотъ узоръ, который перенесенъ на ткани, называемыя муаре. Нельзя не любоваться его природнымъ образцомъ.

Сѣверо-западныя воды Ладожскаго озера самыя замѣчательныя. Поверхность ихъ волнистѣе, а среда темнѣе, нежели другихъ водъ, въ одну и ту же погоду. Это зависитъ отъ увеличенія глубины озера, которая, по увѣренію судоходцевъ, за 35 верстъ до Валаама достигаетъ двухъ сотъ сажени. Это единственное мѣсто, гдѣ озеро всего глубже. Соотвѣтственно глубинѣ и здѣшнія волны бываютъ всего яростнѣе и опаснѣе для судовъ во время бури. Но лѣтомъ бури случаются очень рѣдко. Тогда вѣтры дуютъ преимущественно сѣверо-восточные. Здѣсь волны восходятъ сажени на двѣ и, превышая плывущую сойму, ежеминутно грозятъ гибелью этому небольшому озерному судну, а оно нерѣдко, по недостатку людей, сдерживаетъ руль на мѣстѣ съ большимъ трудомъ. При первой оплошности пловца, широкія волны, отъ сильнаго и частаго напора быстрого вѣтра, сносятъ тесъ и дрова, обыкновенный грузъ Ладожскихъ судовъ; разбиваютъ ихъ въ дребезги и выбрасываютъ на берегъ, так-

же какъ и судно; напротивъ желѣзо, или мраморъ, при склонѣ судна къ подводной сторонѣ сами ускоряютъ его гибель своею тяжестью, и волны опрокидываютъ и погружаютъ ихъ въ одно мгновенье, на мѣстѣ. Ловкій судовщикъ, предвидя бурю, старается скорѣе обратить судно подъ вѣтеръ, замѣнить какимъ нибудь способомъ руль, если онъ повредился въ этомъ разѣ, и дойти до острова, или залива, гдѣ удобно бросить тяжелый якорь. На здѣшнихъ бурныхъ водахъ и природа подаетъ большую помощь пловцу: она обилуетъ здѣсь каменистыми островами, которые только и служатъ для причала судовъ на время бури, и кромѣ того хранятъ постоянную и самую удобную пристань на озерѣ—о. Валаамъ. Напротивъ, осенью, до глубокой зимы, свирѣпствуютъ здѣсь юго-западные вѣтры. Тогда нерѣдко наступаютъ вдругъ ранніе морозы, которые сводятъ ледъ при берегахъ озера и судно, запоздавъ по какой-либо крайней необходимой причинѣ, подвергается опасности другого рода. Эти вѣтры разбиваютъ прибрежный ледъ и носятъ льдины съ такою силою, что онѣ подрѣзываютъ, въ полномъ смыслѣ слова, судно, попадающее между ними. Теперь судоводцы осторожны в этого не случается; но лѣтъ за пятьдесятъ предъ симъ, не предвидя морозовъ,

они пускались въ озеро тѣмъ легковѣриѣе, что оно не замерзаетъ до глубокой зимы на многихъ мѣстахъ своей поверхности.

Трудно повѣрить, чтобы Ладожское озеро замерзало поздно. Оно сильно нагрѣвается лѣтомъ только при солнечной теплотѣ, способной палить луга и нивы на берегахъ. Морозы наступаютъ на берегахъ озера съ ранней осени. Зима начинается здѣсь ранѣе, чѣмъ внутри земель: не рѣдко видятъ снѣгъ на берегу, тогда какъ выше зеленѣютъ еще луга. Она бываетъ и суровѣе и лежитъ дольше, почти до семи мѣсяцевъ, особенно на сѣверныхъ берегахъ. Эта разность въ прибрежномъ воздухѣ происходитъ оттого, что воды менѣе способны поглощать и удерживать солнечную теплоту, нежели сушь, и берега не столько пользуются тепломъ, находящемся по одну сторону внутри земель, сколько умѣряются холодомъ озера, лежащаго по другую. Но въ-самомъ-дѣлѣ случается, что прибрежные жители нерѣдко па-сутъ скотъ на островахъ, тогда какъ на берегахъ озера сушь и воды покрыты уже снѣгомъ. Заливы и устья рѣкъ замерзаютъ всегда ранѣе самага озера, и пловучій ледъ скопляется, оскалая края льдинъ, ранѣе у береговъ, между островами, чѣмъ на срединѣ озера, гдѣ въ послѣд-

ствѣн снѣгъ оказывается глубже. Во время установленія льда сообщеніе между Валааомомъ и прибрежнымъ г. Сердоболемъ прекращается болѣе, чѣмъ на мѣсяць, и Валаамская обитель только въ половинѣ января можетъ расчищать дорогу для проѣзда на саяхъ въ г. Сердоболь. Кромѣ этого, по словамъ прибрежныхъ рыболововъ, извѣстно, что юго-западная часть озера не замерзаетъ иной годъ до февраля и марта мѣсяцевъ, а юго-восточная остается раскрытою всю зиму, такъ что въ сильные морозы здѣсь видятъ исходящія водяные пары. Это позднее замерзаніе озера объясняютъ долгимъ остываніемъ его глубокихъ и пространныхъ водъ. Но есть много поводовъ отвергать эту причину. Довольно сказать, что озеро не можетъ поглощать значительной теплоты, послѣ девяти холодныхъ мѣсяцовъ во время трехъ теплыхъ; и какъ стоячія воды нагрѣваются болѣе и замерзаютъ ранѣе текущихъ, такъ и послѣднія имѣютъ эти свойства въ разной степени, не по содержанію большей глубины и пространства, но по большей быстротѣ ихъ теченія. Справедливѣе думать, раннему замерзанію озера препятствуютъ вѣтры, возмущающіе поверхность воды, или потоки въ глуби озера. Покрайней мѣрѣ извѣстно, что юго-западные вѣтры дуютъ все время осени

и зимы; приносятъ теплоту иноземнаго воздуха; разрушаютъ нѣсколько разъ прибрежный ледъ и даже срываютъ ледяной кровъ среди озера. Къ тому же Ладожскія воды не измѣняютъ своей значительной степени холода, при позднемъ замерзаніи. Толстый и твердый ледъ ихъ продолжаетъ таять иногда до Троицына дня. На памяти Валаамскихъ иноковъ, казенный пароходъ «Ладога», оставляя о. Валаамъ въ этотъ день, 14 Мая 1844 года, едва пробился черезъ ледъ, скопившійся около острова. Отъ поздняго таянія озера и на берегахъ его наступаетъ поздно настоящая весна. Холодные вѣтры съ озера долго не перестаютъ причинять ночные заморозы, особенно на болотистыхъ или малонаселенныхъ берегахъ; задерживаютъ оживленіе растеній и губятъ иногда обильный цвѣтъ—всю надежду земледѣльца. До какой степени прибрежныя земли подвергаются рѣзкимъ перемѣнамъ холода отъ сосѣдства озера, въ такой степени эти земли поглощаютъ тепло и свѣтъ тамъ, гдѣ болѣе вырублены лѣса, осушены болота и находятся вообще пустыя, твердыя пространства. На такихъ берегахъ, при всей краткости лѣта, рожь созрѣваетъ недѣль въ шесть. Здоровымъ же воздухомъ отличаются только сухіе и лѣсистые берега.

За то Валаамъ придаетъ всю занимательность Ладожскому озеру. Онъ появляется дымчатою полосою на краю безбрежныхъ водъ, блистающихъ солнцемъ. Бывалый путникъ, усмотрѣвъ ее, равнодушно проговариваетъ: «вотъ и Валаамъ»; а необычальные, — съ вѣстью этой, думая увидѣть главы церкви тамошняго монастыря, тщетно собираются толпою на передовомъ краю парохода. Изъ той полосы становится потомъ темный, лѣсистый островъ. Передъ нимъ, будто изъ воды, выходитъ островокъ Мигорки, который издали кажется въ видѣ нѣсколькихъ деревянныхъ строеній; а встрѣчаясь справа парохода, представляетъ гранитную глыбу, поросшую мхомъ и не многими сосновыми кустами. Вслѣдъ за этимъ островкомъ, и прародитель его, о. Валаамъ, обнаруживаетъ каменный берегъ, покрытый хвойнымъ лѣсомъ.

Этотъ югозападный берегъ Валаама содержитъ перерывъ, въ видѣ воротъ, и круглый, пространнѣйшій водоемъ, на подобіе двора. Пароходъ устремляется въ перерывъ, когда можетъ доставить удовольствіе путникамъ видами здѣшней природы; иначе — онъ идетъ слѣва острова. Но кому случилось быть на этомъ водоемѣ, тотъ сохраняетъ на всю жизнь первое пріятное впечатлѣніе Валаама. Здѣсь глубокая тишина, воздухъ

насыщенъ запахомъ зелени, воды гладки; среди водъ, подъ вліяніемъ сіяющаго солнца, играетъ рыба; а въ тѣни береговъ, между судами, безстрашно плещутся утки. Кого не поразитъ этотъ внезапный видъ тихихъ водъ, послѣ шумной и пустынной равнины озера? На мысѣ праваго берега возвышается крестъ, подъ красивымъ круглымъ навѣсомъ, съ фонаремъ вверху, указывающей гавань. Прямо, у высокаго лѣсистаго берега, гальёты, соймы и другія озерныя суда, укрывшіяся отъ бурнаго вѣтра, выжидаютъ попутнаго. На подошвѣ того же берега, разсѣянныя пустыя избы занимаютъ временно рыбаки, приплывающіе осенью, съ разныхъ береговъ озера, ловить рыбу вокругъ острова, въ помощь инокамъ. Въ двухъэтажномъ домикѣ, стоящемъ лѣвѣе этихъ избъ на вершинѣ берега, межъ темныхъ елей, пристають сами иноки и изготовляютъ рыбу въ прокъ; а поодаль возвышается остроглавая часовня, въ которой рыболовы непремѣнно начинаютъ и оканчиваютъ свой трудъ молитвою. Часовня эта во имя Св. Андрея Первозваннаго. По сказанію перваго Русскаго лѣтописца Нестора, Св. Апостоль, проповѣдуя Евангеліе между Славянами, занимавшими тогда значительную часть нынѣшней Европейской Россіи, былъ не только въ Кіевѣ, но и въ Новго-

родѣ; по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ, и за 60-верстѣ ниже пор. Волхову въ Грузинѣ (Ядро Россійской исторіи, соч. Хилкова. Москва. 1784 г. ст. 62), а по мѣстному преданію, доходилъ въ лодѣ до Валаама и благословилъ островъ каменнымъ крестомъ (Валаамская рукопись: Оповѣдь ст. 12. Матеріалы для Статистики Рос. Имп. Спб. 1841 г. ч. 2 ст. 59). Согласно этимъ преданіямъ изстари находится здѣсь часовня. Эту прелестную, природную пристань для рыбаковъ и судоходцевъ, иноки называютъ Никоновой. Но полагаютъ, ее должно называть Никовой, отъ греческаго слова: *ника*—побѣда. Нерѣдко въ бурю на озерѣ они видятъ отсюда, какъ пловцы, переступая высокія волны, то спускаются со всѣми мачтами судна вглубь, то опять выходятъ сверхъ волны, и избѣжавъ роковаго удара, при входѣ въ эту пристань, долго и долго крестятся и торжествуютъ побѣду надъ волнами.

Никоновая пристань составляетъ на острову верхній конецъ южнаго залива, того же имени. Съ этой пристани пароходъ сворачиваетъ на—

* Село это на правомъ берегу р. Волхова; оно было монастырской вотчиной и подарено въ 1705 г. Кн. А. Д. Меншикову, а въ 1796 г. Графу А. А. Аракчееву. Въ немъ главная церковь во имя Св. Андрея Первозваннаго.

лѣво и проходить по заливу между островками, лежащими другъ за другомъ съ лѣвой стороны залива: Ягоднымъ (Морьянымъ), двумя меньшими, безъмянными и длиннымъ Монашескимъ (Сурвистанъ), а съ правой, Пейбевскимъ островомъ, который называютъ такъ по бывшему у него пристанищу рыбаковъ изъ д. Пейбы. Эти островки въ старомъ планѣ о. Валаама означены подъ именемъ Русскихъ скалъ. Сзади Пейбевскаго острова находится малая Никоновая пристань, самая удобная и безопасная на всемъ острову, въ которую суда могутъ входить съ двухъ сторонъ Монашескаго островка и гдѣ онѣ могутъ стоять во время сильной бури безъ якоря, на одной веревкѣ. Всѣ островки съ внутренней стороны, гдѣ они прилегаютъ одни къ другимъ, особенно низкіе, имѣютъ обнаженную, гладкую, бѣловатую поверхность и отлогіе берега, а высокіе, поверхность холмистую, дикаго цвѣта, поросшую соснякомъ, который чѣмъ выше на островкѣ, тѣмъ гуще и рослѣе. Напротивъ со стороны озера, или только со стороны доступной упору его волнъ и вѣтровъ, берега высокихъ островковъ снизу темнобурые, отвѣсныя, разбитые прямыми, перекрестными трещинами, которыя ниже къ уровню воды, ихъ

размывающей; сверху, крутые, ржавые, которыхъ плоскія вершины разсыпаются въ почву и зеленѣютъ мхомъ и лѣсомъ. Трудно понять съ перваго взгляда это разнообразіе каменныхъ островковъ, тѣмъ болѣе оно увлекаетъ взоръ, и небывалый путникъ ропщетъ на быстроту парохода и жалѣетъ, что при всѣхъ способахъ не видалъ прежде столь дикой природы. Изъ Никоноваго залива пароходъ выходитъ снова въ озеро, сворачиваетъ вправо и несется рядомъ съ Валаамомъ. На этомъ пути онъ минуетъ два другихъ залива въ островѣ: Московскій и Скитскій, которые образуютъ тѣже каменные, лѣсистые островки, понижающіеся отраслями отъ восточной сплошной стороны острова къ западу въ озеро. Эти отрасли, какъ замѣтно, возвышаются болѣе и болѣе отъ юга къ сѣверу, и почти каждый ихъ островокъ имѣетъ высокій берегъ на сѣверозападной сторонѣ; оттого и продольная поверхность Валаама, если глядѣть на нее издали, со стороны г. Сердоболя, кажется волнообразною.

Съ озера пароходъ сворачиваетъ въ четвертый заливъ, называемый Монастырскимъ. Въ устьѣ этого залива правый берегъ темнобурый, отвѣсный, съ перекрестными трещинами и квадратными впадинами, подошву его облегаютъ

груды четырехграннаго камня—значить, онъ обрушился въ недавнее время; и отлогій, покрытый густымъ, болѣе и болѣе возвышающимся лѣсомъ. Но всего любопытнѣе самое устье этого залива. Оно раздѣлено вдоль отраслю каменистыхъ островковъ, которые противоплагаютъ озеру главные вершины и отвѣсныя берега, заливу отлогости, становятся въ томъ же направленіи меньше, ниже, плоче, сплошнѣе и такъ продолжаются подъ водою. Вершины этихъ островковъ обросли рѣдкими сосновыми деревьями, отлогости кустами сосенъ, мхами и лишаями, а подошвы, тоже треснувшія, выглажены, какъ будто искусственнымъ способомъ. Все доказываетъ, что эта небольшая отрасль однообразныхъ островковъ не что иное, какъ поверхность одной и той же цѣльной скалы, скрывающейся подъ водою. Судя по ней, должно предполагать, что и отрасли островковъ большей величины, на юго-западѣ острова, между которыми лежатъ заливы, происходятъ также отъ цѣльныхъ скалъ, ранѣе выдвинувшихся; равно и сплошные берега заливовъ, какъ и Монастырскаго залива, были такими же отраслями островковъ, пока не покрылись почвой, не сровнялись и не соединились, и наконецъ весь Вааламъ, составляющій область этихъ

отраслей островковъ, есть одна и та же огромная скала Ладожскаго озера. Но плоскіе островки тянутся среди всего Монастырскаго залива, довольно стѣсняютъ его ширину и наполняютъ подводными скалами или лудами (какъ ихъ называютъ Корелы, измѣняя Финское слово *лото-камень*). Пароходъ, стараясь обходить эти луды, идетъ въ заливѣ извилистымъ путемъ. Съ лѣвой стороны устья залива отдѣльный островокъ, называемый Крестовымъ, представляетъ удивительную церковь, и богомольцы, въ нетерпѣніи видѣть монастырь, начинаютъ успокоиваться. До постройки этой церкви, на островкѣ стояла каменная часовня, во имя Св. Николая Чудотворца, освященная въ 1809 г. при Иг. Иннокентіѣ. Она была низка, четырехсторонняя съ такою же главою, выбѣлена и содержала большую лампаду, отчего и видѣлась пловцу въ темную пору. Нынѣшняя церковь, того же имени, строится, напротивъ, очень изящно, въ новомъ Византійско-Русскомъ вкусѣ, по чертежу Ак. А. М. Горностаева, иждивеніемъ купца Н. Н. Солодовникова. Она многосторонняя, съ конической главою и несравненно выше прежней часовни. Къ этой церкви примыкаетъ домикъ находящагося при ней инока. Съ подошвы островка склоняется къ заливу оди-

нокая сосна, которая, не смотря, что корень вышелъ изъ каменьевъ, стволъ корявый, вершина полюбломленная, около восьмидесяти лѣтъ, по увѣренію старцевъ, встрѣчаетъ каждого путника, плывущаго въ монастырь. Монастырскій заливъ продолжается на полторы версты. Средняя часть его нѣсколько уже прочихъ частей. Здѣсь тѣ же берега темнобураго цвѣта; но правый берегъ залива болѣе отвѣсный и гладкій снизу, плоскій и поросшій густымъ лѣсомъ сверху, а лѣвый болѣе высокій, холмистый, ржавый, рыхлый и обнаженный. И вотъ зеленѣющую вершину того же высокаго берега вѣнчаетъ бѣлокаменное зданіе Валаамской обители. Кто не перекрестится усердно, замѣтивъ обитель не на открытой равнинѣ, какъ большая часть монастырей въ средней Россіи, но средь бурныхъ Ладожскихъ водъ, въ ущельи уединеннаго острова, на вершинѣ высокой каменной скалы? Неминуемая мысль, — какую чистую, высокую Вѣру должно питать въ здѣшнемъ уединеніи и какіе тяжкіе труды должно нести, чтобы превозмогать здѣшнія неудобства жизни, заставляетъ всякаго благоговѣть передъ Валаамской обителью. Но сохраненіе здѣшней церкви съ незапамятныхъ временъ усиливаетъ это благоговѣніе. Обратимся къ исторіи Валаама.

Островъ Валаамъ не имѣеть до сихъ поръ
 полного естественнаго развитія, въ какомъ на-
 ходимъ окружающія его мѣста; за тысячу лѣтъ
 назадъ, онъ выдавался изъ воды несравненно
 менѣе, нежели теперь; скалы его были тверже,
 почва тоньше, растенія безплоднѣе, и этотъ ка-
 менистый островъ среди озера, ни по какому есте-
 ственному поводу, не могъ быть заселенъ тогда
 частнымъ человѣкомъ. Но онъ былъ уже извѣ-
 стенъ пловцамъ, и могъ служить удобной при-
 станью во время противныхъ вѣтровъ. Его на-
 званіе одно изъ общихъ именъ, которыми туземцы
 и теперь называютъ малоизвѣстные, незаселенные
 островки. Валаамъ, по туземному выговору—ва-
 ламо, происходитъ отъ финскаго слова: *варама-*
горная земля, въ которомъ одна часть *вара-*гора
 замѣнилась въ послѣдствіи Шведскимъ словомъ того
 же значенія *валль*—высота, а другая *ма* измѣни-
 лась въ *мо*, окончаніе нынѣ почти не употреби-
 тельное. Эти обѣ части слова древнія; ихъ со-
 храняють немногія изъ названій здѣшнихъ уро-
 чищъ: Яким-вара, Валкія-вара, Суостамо; а слово
валль—новое, оно слышно въ названіи недавняго
 сосѣдняго города Сердоболя или Сордовалле (разру-
 шенныя высоты). Неудивительно, что уединенный
 и почти недоступный о. Валаамъ, былъ заселенъ

только въ концѣ X вѣка, иноками—Греками, готовыми на всё лишенія и пожертвованія, для распространенія Христіанства между Корелами на сѣверѣ Новгородской области.

Что дѣйствительно существовала тогда иноческая обитель на Валаамѣ, въ этомъ удостовѣряетъ мѣстное преданіе (Валаамская рукопись Оповѣдь). Называя основателемъ здѣшней обители Сергія, по происхожденію Грека, привлеченнаго на сѣверѣ усердіемъ къ распространенію здѣсь Христіанства, оно свидѣтельствуетъ, что отъ этого инока принялъ крещеніе Германъ, называвшійся въ язычествѣ Мунгомъ, и что оба первобытные поселенцы соблюдали здѣсь всё правила духовной жизни, принимали искавшихъ спасенія души и построили церковь. Существованіе обители въ это время подтверждаетъ и постороннее преданіе. Въ рукописномъ житіи Св. Аврамія Ростовскаго сказано, что онъ приходилъ на Валаамъ въ 960 г., перекрещенъ былъ изъ язычниковъ тамошнимъ Игуменомъ Θεогностомъ и самъ основалъ въ 990 г. при Ростовскомъ озерѣ, на мѣстѣ сокрушеннаго идола Велеса, Божоявленскую обитель. Не противорѣчитъ тому и лѣтопись Нестора, говоря, что Валаамскій монастырь устроенъ при первомъ Епископѣ Новгородскомъ Іоакимѣ Корсунянинѣ,

поставленномъ Митрополитомъ Михаиломъ, бывшимъ изъ Кіева съ 6-ю Епископами въ 989 г. для крещенія Новгородцевъ (по Кёнигсбергскому списку, ст. 90, по Никоновскому, ст. 100—112). Мѣстное преданіе продолжаетъ, что когда со-сѣднія войны Шведовъ въ Кореліи грозили разореніемъ Валаамской обители, ученики обрѣли мощи Преподобныхъ Сергія и Германа и для сохраненія перевезли въ Новгородъ. Въ 1163 г., по свидѣтельству Софійскаго лѣтописца (С. п. б. 1795 г. Т. I ст. 165), Преподобные причтены къ лику Святыхъ. По утишеніи войны въ Кореліи и по исправленіи обители мощи возвращены были на островъ въ 1180 г. (Псалтирь. Кіевъ. 1822 г. ст. 315). Съ этихъ поръ они лежатъ въ обители подъ спудомъ. Въ 1192 г. Валаамскій Игумень Мартирій построилъ на острову каменную церковь, во имя Всемилоствиваго Спаса.

Но нѣкоторые писатели полагаютъ основаніе Валаамской обители гораздо позднѣе. Одни (Церковн. Истор. Митр. Платона. 1850 г. Москва. Т. I ст. 57) относятъ его ко времени княженія Владиміра. Другіе (Исторія Іерархіи. 1811 г. Москва. Т. III ст. 480) сомнѣваются даже въ этой древности обители и приписываютъ ея начало половинѣ XIV вѣка. Основываясь на Шведскихъ исто-

рикахъ Локценъ (Joh. Loccenii Hist. Sve Canae. 1676. Francfort Lips. pag. 104), и Далинъ (Шведскаго Госуд. Ист. 1805 г. С.п.б. Т. I ст. 614) утверждающихъ, что западный берегъ Ладожскаго озера, къ которому прилегаетъ о. Валаамъ, уступленъ въ первый разъ Россіи въ 1348 г. по договору, заключенному между Новгородцами съ Шведскимъ и Норвежскимъ Королемъ Магнусомъ II, они говорятъ, что до этого договора, островъ принадлежалъ Шведамъ, и потому не могло быть на немъ Русскаго поселенія. Но изъ Орѣховскаго договора Новгородцевъ съ Шведскимъ Королемъ Магнусомъ Смекомъ 10 Сентября 1323 г. (переведеннаго съ подлинника въ Журналѣ Мин. Внут. Дѣлъ 1837 г. ч. 23 ст. 325—363) видно, что Шведамъ уступлены были земли, лежавшія на правой сторонѣ р. Сестры, которыя, какъ и остальные земли въ Кореліи, до того времени принадлежали Русскимъ. Вся Корелія была подъ властію Россіи еще во время Великаго Князя Владиміра, по свидѣтельству иноземца Сноррона Стурлесона. Исторія Іерархіи подтверждаетъ притомъ свое мнѣніе надписью, видимою на доскахъ древней рукописной книги, хранящейся въ Новгородской Софійской библіотекѣ, именно на правилахъ Святыхъ отецъ и семи соборовъ (въ 4 лист.

подъ № 39), что «въ 1329 году началъ жить на Валаамѣ старецъ Сергій» и другими записками, въ которыхъ прибавлено, что «въ сожителство къ нему пришелъ въ 1393 году Германъ». Но эта надпись новаго почерка, и она не можетъ относиться къ Преподобному, потому что Германъ, прибывшій, по словамъ надписи, черезъ 64 года къ старцу Сергію, не могъ застать его въ живыхъ. Излишне было бы опровергать эти поводы къ отнесенію начала Валаамской обители къ XIV вѣку, но ихъ находимъ въ большей части сочиненій, упоминающихъ объ обители.

О состояніи Валаамской обители въ XIII и почти до второй половины XIV вѣка никакого преданія неизвѣстно. Трудно было существовать ей во время дѣятельнаго обращенія къ Христіанству со стороны Западной Церкви жителей береговъ Финскаго залива и Ладожскаго озера. Еще въ 1666 г. Папа Александръ III послалъ грамоту къ Королямъ Шведскому, Датскому и Норвежскому о крещеніи язычниковъ въ Эстляндіи и Ингерманландіи, Чуди, Кареловъ, Лапландцевъ и Ижоръ. Но современіи повелѣнія В. К. Ярослава Всеволодовича въ 1227 г. крестить окрестныхъ Кареловъ (П. С. Р. Л. Т. I. С.п.б. 1846 г. с. 191), Папа Григорій IX, грамотою 1230 г. къ Архіепископу

Упсальскому и Линчѣпинжскому, запретилъ сюда ввозить оружіе, желѣзо и деревянные издѣлія, а Папа Александръ II, грамотою 1255 г. къ Архіепископу Рижскому Альберту II, назначилъ Епископа въ Ватландію, Ингрію и Корелію (Исслѣд. А. Х. Лерберга, перев. Д. Языкова. Спб. 1819 г. с. 88). Едва ли существованіе обители не прервалось въ это время по случаю безпрестанныхъ войнъ. Шведамъ удалось тогда овладѣть западнымъ берегомъ Ладожскаго озера, и они заложили въ 1279 г., по словамъ Далина, крѣпость въ Кореліи для своихъ скопищъ и наблюденій за Новгородомъ. Изъ этого начались новыя войны между Новгородцами и Шведами. Войны продолжались здѣсь, когда купцы Нѣмецкіе и Готландскіе изъ Ганзейскихъ городовъ, торгуя съ Новгородомъ, доставали слюду и желѣзо, рубили и сплавливали лѣсъ въ Обонежской пятинѣ. Тогда рыцари Ливонскаго ордена и Шведы усиливались завоевать берега озера, богатые естественными произведеніями. Но если справедливо мѣстное преданіе (Оповѣди), что на Валаамѣ было идолопоклонничество, почему и найдены здѣсь, за нѣсколько десятковъ лѣтъ, нѣкоторыя части кумировъ, то въ это время укрывались на немъ, конечно, тѣ изъ Кореловъ язычниковъ, кото-

рыхъ воинственные Шведы старались, особенно тогда, обратить въ Католическую вѣру.

Около XV столѣтія Россія начинала уже оправляться послѣ разоренія нашествіемъ Татаръ. Пользуясь ея внутренней тишиною, Рускіе иноки проходили по берегамъ озеръ Ладожскаго и Онежскаго, рѣкамъ Свири, Вытегры, Ковжи и далѣе на самый сѣверъ Россіи, чтобы крестить языческія Корельскія селенія, строить церкви и учреждать монастыри. Они будто оканчивали на сѣверѣ святое дѣло, успѣшно зачатое Греками на югѣ Россіи въ X столѣтіи и развитое ихъ преемниками въ Средней Россіи въ слѣдующихъ вѣкахъ. При ревнителѣ духовнаго и свѣтскаго просвѣщенія, пришедшемъ изъ Царьграда и бывшемъ Митрополитомъ всей Россіи въ теченіи 18 лѣтъ, Киприанѣ, Валаамскіе иноки просвѣщали Кореловъ, обсеявшихъ Ладожское озеро (Ист. Иерарх. Т. II с. XI и Ист. Русск. Церк. Спб. 1838 г. с. 83). Потомъ обитель ихъ значительно умножилась и служила сама по себѣ разсадникомъ иноческихъ братствъ, на пользу просвѣщенія сѣвера Православною вѣрою. Инокъ Арсеній, возвратясь съ Аѳонской горы пожилъ на Валаамѣ нѣкоторое время и, удалясь на Коневецъ, другой островъ Ладожскаго озера, учредилъ на

немъ обитель. Инокъ Савватій, постриженный въ Бѣлоозерской обители, приходилъ на Валаамъ въ 1436 г., вскорѣ поселился на самомъ сѣверѣ Россіи въ Бѣломорѣ, на островѣ Соловецкомъ, гдѣ по кончинѣ его въ 1462 г. устроилась обитель. Александръ Свирскій, постриженный здѣсь въ юношескомъ возрастѣ Игуменомъ Іоакимомъ въ 1474 г., спасался въ пустынь на Святомъ острову и, возвратясь на берега р. Свири, основалъ обитель на родинѣ своей. При немъ было до 600 братій на Валаамѣ. Безъ сомнѣнія, они жили собственными промыслами, и вѣкоторыя изъ нихъ отправлялись по временамъ въ Новгородъ, Москву и другіе большіе города, за сборомъ на устройство обители и украшеніе церквей.

Съ этого времени и Корелы западнаго берега Ладожскаго озера, на которомъ подъ вліяніемъ Шведовъ утвердилось Римско-католическое вѣроисповѣданіе, начали было обращаться въ Православную вѣру. Тамошнее преданіе о Восточномъ Православіи, отрадное для Русскаго, остатки надписей на могильныхъ камняхъ и слѣды бывшихъ церковныхъ строеній доказываютъ, что въ Сѣверо-Кексгольмской губерніи (нынѣшней Корелии) находились тогда часовни отъ Православныхъ монастырей. До сихъ поръ такіа часовни въ Россіи,

по исполненію требъ мѣстныхъ жителей, содѣйствуютъ приходскимъ церквамъ, а въ хозяйственномъ отношеніи зависятъ отъ монастырей. Въ XVI столѣтіи, какъ видно изъ обыскныхъ книгъ 1571 и 1573 г. и старыхъ изгонныхъ XVII вѣка, въ Вотской пятинѣ на берегахъ Ладожскаго озера отстояли отъ Новгорода въ это время слѣдующіе Русскіе приходы: Орѣшковскій (нынѣ Шлиссельбургскій), въ 180 верст., Ивановскій Койвужскій, въ 240 в., Васильевскій Ровдужскій, въ 250 в., Михайловскій Саккульскій, въ 270 в., Городенскій (нынѣ Кексгольмскій), въ 300 в., Богородицкій Кирьяжскій, въ 330 в., Никольскій Сордовальскій, въ 400 в., Ильинскій Иломанскій, въ 550 в., Воскресенскій Салминскій, въ 800 в. (Историч. разгов. о древностяхъ Великаго Новгорода. 1808 г. Москва. с. 96). Но изъ оброчной книги, составленной приказомъ Шведскаго Правительства въ 1589, видно, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ приходоѡвъ, на разстояніи отъ г. Кексгольма къ сѣверу до д. Нурмесъ при озерѣ Пелелісьярви, или за Иломанецъ, въ урочищахъ, гдѣ многіе поселяне прозывались Русскими именами, стояли Православныя часовни, принадлежавшія къ четыремъ монастырямъ, именно: въ приходѣ Курьѣки (въ мѣстечкѣ Кроноборгъ), гдѣ находится Русскій мо-

настырь на островѣ Рандасари (прибрежный островъ), какъ называютъ его туземцы, или Коневецъ, какъ называютъ его Русскіе, были часовни въ деревняхъ: Лапинлаксь, Терво, Мигли, Тиврола, Вейеля, Саматлампи, Ухуніеми и Тюрія; въ приходѣ Сордовале (въ г. Сердоболѣ), гдѣ монастырь на о. Валаамѣ, были часовни въ деревняхъ: Отсойсь, Кидесь, Суостамо, Имбилаксь и Суоярви (Шуезеро); въ приходѣ Иломанецъ, гдѣ существовалъ монастырь на о. Кухосари (вѣроятно Кукосень-сари, находящемся нынѣ въ Либелицкомъ приходѣ), были часовни въ деревняхъ: Пелкъярви, Соанъялаксь, Тохмоярви, Либелиць, Лиекса и Ребола (въ Кемскомъ уѣздѣ Архангельской губерніи) и въ приходѣ Салмись, гдѣ существовалъ монастырь при озерѣ Орусъярви, были такія же часовни; но большая часть ихъ зависѣла уже отъ приходскихъ церквей, такъ какъ на восточномъ берегу Ладожскаго озера изстари утвердилось Православное вѣроисповѣданіе (Мааміехенъ Юстава или Другъ земледѣлія, газета г. Куопіа. 1847 г. № 49).

Этому распространенію Православной вѣры, на сѣверо-западномъ берегу Ладожскаго озера между Корелами Католиками, и устройству часовенъ въ ихъ поселеніяхъ Валаамская обитель,

какъ ближайшая ко всему берегу, многолюдная, древняя и богатая, конечно, способствовала болѣе всѣхъ прочихъ монастырей. Православіе водворялось тѣмъ успѣшнѣе, что Кореламъ были очень памятливы войны, грабежи, пожары и всевозможныя бѣдствія, подъ однимъ предлогомъ обращенія въ Католическую вѣру, и что туземцы научились уже въ случаѣ опасности удаляться въ глубь Финляндіи, или въ Заонежье, почему и находимъ теперь Кореловъ Православной вѣры на сѣверозападномъ берегу Ладожскаго озера болѣе за горами, болотами, въ нѣдрахъ Финляндіи, нежели на самомъ берегу, тогда какъ на восточной сторонѣ озера они живутъ повсемѣстно. Къ сожалѣнію, первые духовные труды на сѣверозападномъ берегу озера были прерваны разными обстоятельствами. Шведскій Король Густафъ I Ваза съ 1528 г. началъ вводить въ Финляндіи Лютеранскую вѣру и въ 1554 г. учредилъ Епископство въ Выборгѣ. Это совмѣстничество одно могло препятствовать распространенію часовень. Сильный моръ въ 1571 г., внутреннія междоусобныя войны, напримѣръ: Нюксота (война колотушками), встрѣбившая по свидѣтельству лѣтописцевъ до 11000 человекъ и внѣшнія войны между Русскими и Шведами, особенно частыя

съ 1579 по 1617 г. (до Столбовскаго договора), опустошили Корелію. Изъ Шведской оброчной книги 1589 г. видно, что многіе приходы въ то время были разорены, особенно Курьекскій, монастыри разграблены, и осталось 2889 пустыхъ жилищъ и 395 обоброченныхъ плательщиковъ. Со времени Столбовскаго договора, когда Корелія и Ингерманландія отданы были Шведамъ, переселились на пустыя оброчныя земли Саваки, распространившіеся съ тѣхъ поръ и въ Ингерманландіи, также Тавастландцы и Сѣверяне изъ окрестностей Улеборга. Между 1617 и 1650 г. основаны здѣсь Лютеранскія церкви, частію, гдѣ были православныя скиты: въ дд. Кидесъ, Тохмоярви и проч., частію по близости ихъ: вмѣсто д. Тюріа, въ д. Париколъ, вмѣсто д. Ліекса, въ д. Пиелисъярви и проч. Однако договоромъ въ Кардисѣ 21 іюля 1661 г., подтвержденнымъ 22 мая 1684 г., Шведы обязались не препятствовать Православному вѣроисповѣданію въ земляхъ Ревеля, Ижоры и Корелы (Полн. Соб. Зак. Т. I. № 395 ст. 642, Т. II № 1076 ст. 619), и, не смотря на всѣ смуты и неблагопріятныя обстоятельства къ распространенію Русскихъ церквей на сѣверо-западномъ берегу озера, Православныя Корелы остались и живутъ до сихъ поръ между Лютеранами

въ приходахъ: Саккульскомъ, Сордовальскомъ, составляютъ цѣлые приходы Иломанцкій и Либелицкій (около г. Куопи) и содержатъ немногихъ Лютеранъ на сѣверо-восточномъ берегу озера въ Суостомскомъ, Суоярвскомъ и Салминскомъ приходахъ.

Однако со второй половины XV вѣка, когда г. Новгородъ подчиненъ былъ Приказу въ Москвѣ, Валаамская обитель, разоряемая безпрестанными войнами на берегахъ Ладожскаго озера, стала приходить въ упадокъ и не могла бы существовать на острову, еслибъ благочестивые государи не усердствовали исправлять ее каждый разъ по опустошеніи. Всѣ они, начиная съ Ц. Василія Іоанновича, щедро жаловали обитель разными пожертвованіями. Послѣ того, какъ 20 февраля 1578 г. Шведы побили на Валаамѣ 18 иноковъ старцевъ и 16 послушниковъ, что видно изъ поминанія, хранящагося въ Васильевской церкви въ г. Старой Ладогѣ (принадлежавшей тогда монастырю), въ томъ же году при Игуменѣ Никодимѣ Царь Іоаннъ Васильевичъ пожаловалъ обители грамоту (18 іюня), которою освободилъ отъ пошинъ въ волости Койвдѣ монастырскую варницу соли, пріѣзжій дворъ, мельницу, пожни и угодыя, приносившія ежегоднаго оброку въ казну

27 алтынъ и 2 деньги ; дозволилъ безпошлинно ходить въ Колмогоры, на Турчасово и на торговые берега моря для продажи соли, равно закупать потребные припасы, провозить ихъ въ обитель для собственнаго употребленія и ловить рыбу около острова въ Ладожскомъ озерѣ. Въ 1593 г. Царь прислалъ въ Васильевскій монастырь списокъ для поминовенія убиенныхъ на Валаамѣ въ 1581 г. 37 старцевъ и 47 послушниковъ. Грамотою Царя Феодора Иоанновича, 8-го ноября 1598 г., велѣно Игумену Давиду съ братією владѣть по прежнему вотчиною Антоніеваго монастыря (что при Дымскомъ озерѣ въ 15 в. отъ г. Тихвина), пока не назоветъ крестьянъ на Валаамѣ, устроить разоренную Шведами обитель царской казной и пользоваться старинною вотчиною и угодьями по жалованнымъ грамотамъ и по писцовымъ книгамъ. По взятіи г. Кексгольма въ 1611 г. Шведы вновь сожгли церкви, кельи, ограду и побили крестьянъ, жившихъ съ семьями на о. Валаамѣ. По Столбовскому договору они удержали за собою Ингерманландію и Корелію, съ принадлежащими къ ней Коневскимъ и Валаамскимъ островами, земли, бывшія давнымъ предметомъ ихъ притязаній. Тогда Валаамскіе иноки по необходимости оставили обитель и частію заняли

опустѣвшій Васильевскій монастырь въ г. Старой Ладогѣ (Акт. Археогр. Экспед. III ст. 131 и 150), частію разошлись по другимъ обителямъ. Колокола они отвезли въ Юрьевскій монастырь, изъ котораго впоследствии эти колокола были возвращены въ 1637 г., кромѣ одного въ 40 пудъ. Литовцы, прибывъ на опустѣлый островъ въ 1642 г., истребили съ своей стороны церковныя книги, древнія лѣтописи и важныя грамоты обители. Къ довершенію всего, на Валаамѣ водворено было цѣлое поселеніе Шведовъ. По свидѣтельству мѣстнаго преданія, эти поселяне начали было въ 1685 г. уничтожать гробницы Валаамскихъ Святыхъ, чтобы чрезъ это неуваженіе святыни удалить съ острова иноковъ, къ ней приверженныхъ; но почувствовавъ разслабленіе членовъ, оставили свое намѣреніе и, въ раскаяніи, устроили сами часовню надъ гробницами. Аeonасій, первый Холмогорскій Епископъ, сопровождавшій въ 1694 г. Петра Великаго въ г. Архангельскъ, свидѣтельствуешь, что Валаамскіе поселяне, какъ онъ видѣлъ, живутъ нѣсколькими дворами, считая островъ хлѣбороднымъ, скотокожатнымъ и обильнымъ рыбою. Строитель Шаровъ писалъ въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь 8 Августа 1735 г., что по описи Валааму, составленной въ 1715 г. Капитаномъ Кексгольмскаго

батальона Васи́лемъ Доможировымъ, показаны часовня, три хозяйскихъ двора и одинъ бобыльскій. И въ планѣ, снятомъ съ острова въ 1784 г., многія земли сохраняютъ имена бывшихъ поселенцевъ ; такъ за монастыремъ означена земля Павла, на противоположной сторонѣ монастыря и залива, гдѣ скитъ, земли Курива и Бобыля, а на берегу верхняго края Монастырскаго залива, земля господина Рауля (Раульхерра ма).

Но въ первыхъ десяти годахъ XVIII столѣтія Петръ Великій завоевываетъ Ингерманландію и Корелію, и съ тѣхъ поръ духовная обитель на Вааламѣ, хотя начинаетъ развиваться медленно, но уже непрерывно существуетъ на острову до сего времени. Стараніемъ Архимандрита Бѣлозерскаго монастыря Иринарха, Царь возстановилъ обитель въ 1715 г., приписавъ къ ней семь гейматовъ, устроенныхъ Шведами. Бѣлозерскіе монахи, по пренесеніи мощей Преп. Сергія и Германа (что и празднуется ежегодно 11 сентября), построили деревянную церковь, во имя Преображенія Господня, съ придѣлами Св. Апостолъ Іоанна Богослова и Андрея Первозваннаго, колокольню и кельи. Верхи на церкви и на придѣлахъ, вмѣсто шатровыхъ, сдѣлали съ дозволенія начальства круглыя. При способахъ, дарованныхъ вновь царской

милостью, обитель замѣтно исправлялась. Анна Иоанновна, указомъ 16 октября 1732 г., пожаловала ей изъ прежняго владѣнія 23 геймата поселявъ въ Саккульскомъ приходѣ, оставивъ прочіе, розданные 68 за Графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, и позволила владѣть безоброчно рыбными промыслами кругомъ острова. Но пожаромъ въ день Свѣтлаго Воскресенья 23 апрѣля 1754 года обитель истреблена была совершенно. Со времени объявленія штатовъ въ 1764 г. она оставлена на своемъ содержаніи и переведена изъ Новгородской епархіи въ С. Петербургскую. Хотя послѣ пожара Императрица Елисавета Петровна пожаловала восемь тысячъ рублей асс., на постройку новой деревянной церкви и обзаведеніе священной утварью ; а Екатерина II, указомъ 5 марта 1786 г. (Пол. Собр. Зак. Рос. Имп. № 16233), возвела обитель въ штатъ 3-го класса, въ которомъ состоялъ Новгородскій Духовъ монастырь, обращенный тогда же въ женскій, и вмѣсто бывшихъ до тѣхъ поръ настоятелей, подъ именемъ строителей, перевела Игумена и братію, получавшихъ жалованье; но послѣдній изъ строителей Ефремъ, состоя уже Игуменомъ, все еще исправлялъ требованія богомольцевъ одинъ, съ двумя бѣлыми священниками, въ бѣдныхъ церквахъ того вре-

мени. Обитель, какъ видно изъ описей за 1767 и 1781 годы, содержала тогда слѣдующія строения: Преображенскій соборъ съ 5-ю придѣлами, двурусный, подъ двусклонной крышей, съ 5-ю главами; четырехърусную колокольню; Успенскую церковь, съ придѣломъ Св. Николая Чудотворца; церковь во имя Рождества Христова, на сѣверѣ при братской трапезѣ; церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, надъ воротами обители; на югѣ—часовню, во имя Св. Пророка Иліи; на западѣ—часовню, во имя Св. Пророка Предтечи Іоанна; на сѣверозападѣ—кельи настоятеля; на прочихъ сторонахъ ограды, изъ которыхъ южная была длиною 35, восточная 16 саженъ—братскія кельи. Внѣ монастыря, на востокѣ—часовню съ колодцемъ; на сѣверѣ—часовню, во имя Св. Безсребренниковъ Козьмы и Даміана, страннопріимный домъ, рабочій домъ, вѣтренную мельницу, ригу, кузницу; подъ горою обители—часовню, во имя Великомученика Георгія, гостинницу, 22 лавки съ свѣтлицами, кельи для бѣдныхъ, скотный дворъ, и прочія хозяйственныя постройки. Но все это деревянное строеніе срублено было безъ всякихъ украшеній.

Это малолюдство и бѣдность Валаамской обители побудило Преосвященнаго Митрополита Нов-

городскаго и С. Петербургскаго Гавріила искать способовъ къ приведенію ея въ прежнее благолѣпіе. Узнавъ о добродѣтеляхъ старца Назарія, жившаго въ Саровской пустыни (Тамбовской губерніи), Преосвященный вызвалъ его на Валаамъ. Старецъ Назарій, прибывъ на Валаамъ въ 1785 г., водворилъ прежде всего Саровское общежитіе, установленное по примѣру строгой Цареградской обители Св. Маркелла. Валаамскій Уставъ подтвержденъ былъ въ послѣдствіи Митрополитомъ Амвросіемъ въ 1803 г. и Митрополитомъ Михаиломъ въ 1812 г., которымъ разрѣшено въ слѣдующемъ году избирать настоятеля изъ среды братства. Потомъ Иг. Назарій началъ заботиться о внѣшнемъ устройствѣ обители, пользуясь пособіями Преосвященнаго. Уже въ 1785 году, по словамъ очевидца Ак. Озерцовскаго, здѣсь выдѣлывали кирпичъ 42 чело-вѣка Ярославцевъ, которымъ подрядчикъ платилъ по 1 р. 50 к. асс. съ тысячи, а съ монастыря бралъ по 3 рубля; пережигали известь изъ мраморнаго щебня, братаго на о. Ювенѣ, и клали изъ кирпича соборную церковь и четырехсторонникъ келій, расширенный съ каждой стороны на 62 сажени. Тогда было до 20 иноковъ; всѣ они, вмѣстѣ съ старцемъ Назаріемъ, пололи, косили и жали, а въ зимнее время точили кленовыя

ложки, четки и вырѣзывали кресты изъ кипариса; и пользуясь, кромѣ пожертвованій, рыбными ловлями, жили не только сами безъ нужды, но и помогали бѣднымъ. Хотя здѣшняя четырехдневная ярмарка, наканунѣ Петрова дня, на которую съѣзжались Олонецкіе и Тихвинскіе купцы торговать разными тканями, украшеніями для одежды и домашней посудой, въ такомъ множествѣ, что за недостаткомъ мѣста народъ принужденъ былъ проводить ночь на судахъ, приносила обители за лавки, числомъ до 80, и за молебствія до 300 р. асс., но, по благонамѣренному ходатайству Иг. Назарія, ярмарка была переведена 18-го декабря 1786 г. въ г. Сердоболь (П. С. З. Р. И. № 16474), гдѣ существуетъ и теперь въ одно время. До сихъ поръ на Валаамѣ бываетъ наибольшее стеченіе простаго народа, по прежнему, около Петрова дня. Судя по Валаамскому плану, составленному въ 1784 году Ревизіоннымъ землемѣромъ Эриксомъ Колоніусомъ и свѣренному въ 1798 г. Морицомъ Фонъ Дрейеромъ, строенія, огороды и дороги занимали въ то время 15 дес. 758¹/₂ кв. саж., пашни 7 д. 345 к. с. сѣнокосные луга 14 д. 1081¹/₂ к. с., лѣсъ 669 д. 2220¹/₂ к. с., болота и неудобныя земли 813 д. 1698¹/₂ к. с., каменистыя земли 1953 д. 1952 кв. с.; всей земли считалось 3054 д.

255³/₄ кв. саж. О благочестіи иноковъ того времени свидѣтельствуесть скитъ, основанный старцемъ Назаріемъ, для искавшихъ строгаго поста и постоянной молитвы; равно многія кельи, построенныя самими иноками въ лѣсахъ, для совершеннаго уединенія и безмолвія. Самъ Иг. Назарій, изнеможенный бременемъ лѣтъ и трудовъ, жилъ въ уединенной кельѣ не задолго, передъ увольненіемъ на покой и отъѣздомъ въ Саровскую пустынь въ 1805 году. Іеросхимонахъ Никонъ, около 20 лѣтъ сряду, бывши 73-хъ лѣтъ, жилъ въ пещерѣ, собственноручно изсѣченной въ утесѣ на берегу озера. Инокъ Никита, бывъ 60-ти лѣтъ, скитался въ пещерѣ въ лѣсу, въ двухъ верстахъ отъ монастыря, и до 1815 г. считалось 6 отшельниковъ на острову.

Со времени Игуменства Назарія началъ распространяться и штатъ обители. Императоръ Павелъ I, указомъ Святѣйшему Синоду 1 мая 1793 г., увеличилъ число братіи пятью больничными иноками и кромѣ того, указомъ 26 августа 1799 г., пожаловалъ рыбныя ловли на р. Кюмени, при паденіи ея въ Финскій заливъ, близъ Роченсальма. Эти ловли, по трудностямъ заочнаго ихъ управленія, отданы въ 1848 г., съ разрѣшенія начальства, въ аренду мѣстному управленію, и доставляютъ ежегодно 4715 р. с. Импера-

торъ Александръ I-й, указомъ 20 октября 1800 г., умножилъ братію до тридцати человѣкъ, то есть 10-тью іеромонахами съ іеродіаконами и 20 монахами. Въ 1811 г. штатъ обители увеличенъ былъ до пятидесяти человѣкъ; а указомъ 22 ноября 1819 года прибавлено къ больничнымъ двадцать человѣкъ, и наконецъ, въ 1821 году Императоръ причислилъ Валаамскую обитель къ первокласснымъ монастырямъ, съ правомъ управляться Игуменомъ, вмѣсто Архимандрита, и соблюдать общежитіе.

Всѣ эти свѣденія, извлеченныя изъ отрывочныхъ мѣстныхъ преданій и разныхъ потороннихъ сочиненій, конечно, еще не составляютъ полной исторіи о. Валаама: она требуетъ дальнѣйшихъ и болѣе опредѣленныхъ изысканій, но и онѣ достаточно показываютъ главныя перемѣны, которыя испытало здѣшнее духовное братство, со времени своего древняго учрежденія. Судя по этимъ перемѣнамъ, заключаемъ: Валаамская обитель, находясь въ чуждомъ краю, изнемогала за два вѣка предъ симъ единственно отъ разоренія ея внѣшними врагами Россіи. Посмотримъ теперь какъ процвѣла обитель въ мирное время.

На лѣвомъ берегу Монастырскаго залива, гдѣ особенно онъ высокъ и прерывается, что доказываетъ отчасти первобытное состояніе этого бе-

рега въ видѣ острова или горы, бѣлѣютъ двуэтажныя кельи обители. Этотъ каменистый берегъ почти отвѣсный, мѣстами обрушился и поросъ кленами. Подошву его занимали груды павшихъ камней. Много стояло труда очистить эту подошву, но иноческій, трудъ непрерывенъ и усерденъ, и вотъ подгорье обители украшаютъ два сада, разведенные на мѣстѣ каменныхъ грудъ. Эти сады одинъ другаго выше. Нижній изъ нихъ исполненъ цвѣтами, верхній служитъ для плодовыхъ деревьевъ. Цвѣточный садъ воздѣлываетъ съ 1840 г. сѣдовласый старецъ, единственно своими руками; въ его же вѣдѣніи состоитъ и плодовой садъ, разведенный съ 1822 года, къ распространенію третьяго сада, находящагося на сѣверной подошвѣ монастырской горы, въ которомъ многія яблони посажены еще при Иг. Назаріѣ. Всѣ сады на Вазаамѣ очень плодоносны и едва ли не единственные во всей Корелии. За монастырской горою, у низменнаго берега залива находится пристань обители, на которой останавливается пароходъ и всякія лодки, и у противоположнаго, отвѣснаго берега красуется монастырская сойма. Какъ пріятно, послѣ плаванія около семи часовъ по шумнымъ волнамъ пустыннаго озера, ступить на землю, гдѣ, напротивъ, непрерывная тишина и повсемѣстно видѣнъ добрый

трудъ. Вотъ направо передъ пристанью двухэтажный каменный домъ, въ которомъ пріютъ и пища ожидаютъ бѣдныхъ, обыкновенно Корель съ Кексгольмской стороны, собирающихся въ обитель по праздничнымъ днямъ. Лѣтомъ приплываютъ бѣдные въ утлыхъ лодьяхъ, которыми иногда правятъ однѣ женщины; зимою приходятъ по льду, не опасаясь замерзнуть на дальнемъ пути. Имъ позволяется быть на острову не долѣе двухъ сутокъ. За этимъ домомъ, на томъ же берегу залива въ одномъ отдѣльномъ строеніи добываютъ смолу, изъ остающихся безъ употребленія пней и валежника, которымъ обильны здѣшніе лѣса; въ другомъ пережигаютъ известь, изъ осколковъ Сердобольскаго мрамора, на случай монастырскихъ построекъ. Наконецъ Монастырскій заливъ красиво разливается въ видѣ круглаго озера; на выпуклыхъ берегахъ его вдали, между густымъ лѣсомъ, цвѣтутъ сѣнокосные луга, а въ лѣсу расположены кирпичные заводы. Обратимся теперь къ обители.

Дорога въ обитель лежитъ влѣво отъ пристани. Раздѣляя деревянныя хозяйственныя пристройки около помянутыхъ садовъ и пространные огороды, за которыми зеленѣютъ тучныя поля, она ведетъ, по гранитной лѣстницѣ съ площадками, на вершину

Монастырской горы; здѣсь двухсторонній рядъ старыхъ кленовыхъ и липовыхъ деревьевъ среди широкаго луга приводитъ къ Св. Воротамъ обители. Этотъ лугъ огражденъ со стороны залива рѣшеткой и кле-нами, растущими межъ камней, по склону горы, и отсюда всѣ любятъ двумя противоположными видами Монастырскаго залива. Съ лѣвой стороны заливъ широкъ, круглъ и, при отраженіи полуденнаго солнца или полной луны, очаровательно исчезаетъ въ густой зелени, а съ правой, раздѣленъ рядомъ болѣе и болѣе высокихъ скалъ, и сливается двумя устьями съ безбрежнымъ озеромъ.

Переднюю сторону обители составляютъ двѣ двухэтажныя, длинныя кельи, соединенныя тремя сводами Святыхъ воротъ, на которыхъ возвышается церковь во имя Св. Ап. Петра и Павла, устроенная въ 1809 г. при Иг. Иннокентіѣ (смѣнившемъ Иг. Назарія въ 1801 году). Все строеніе обители расположено на двухъ дворахъ: внѣшнемъ и внутреннемъ, огражденныхъ съ четырехъ сторонъ кельями, въ одинъ или два этажа. Внутренній четырехсторонникъ келій выстроенъ при Иг. Назаріѣ, внѣшній съ тремя церквами, при его преемникѣ Иг. Иннокентіѣ. Кельи расположены внутри обоихъ этажей, съ двухъ сторонъ общаго прохода, подобно кельямъ въ Греческихъ монастыряхъ. Каждая изъ

нихъ в длину, не болѣе двухъ сажени, шириною вдвое менѣе, подъ сводомъ, объ одномъ огнѣ, съ лежанкою и чисто выбѣлена. Столъ, два стула, скамья съ войлокомъ и подушкою—въ кельѣ, общій рукомойникъ и ведро съ водою—въ корридорѣ: всѣ принадлежности иноческаго жилья. Въ келью инока никто не входитъ, не произнеся словъ: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ!» и не услышавъ отвѣта: «аминь». На вѣшнемъ дворѣ, по правую сторону Св. воротъ, находятся: келья духовника и рухольня или рядъ комнатъ, въ которыхъ хранятъ припасы для одежды и обуви братій, по лѣвую, гостинница, замѣтная по большему крыльцу. О размѣщеніи путниковъ, прибывшихъ на пароходѣ, всегда заботится инокъ келіархъ; обыкновенно семействамъ онъ предоставляетъ покой въ гостинницѣ, а одинокимъ мужчинамъ, въ случаѣ недостатка въ ней комнатъ, опорожненныя братскія кельи. Помѣщеніе внутри обители, гдѣ примѣръ благочестія передъ глазами, усиливаетъ молитву пріѣзжихъ богомольцевъ. На внутреннемъ дворѣ, куда ведутъ противоположныя ворота подъ кельями, находятся съ правой стороны этихъ воротъ: кельи очередныхъ іеромонаховъ и церковь, во имя Успенія Божіей Матери, въ которой служатъ особенно зимою,

почему и называютъ ее зимнимъ соборомъ. Эта церковь зачата постройкой изъ камня въ 1783 г., прежде всѣхъ прочихъ церквей; черезъ годъ она была освящена, а въ 1796 году вновь перестроена. Слѣва тѣхъ же воротъ находимъ кельи братіи и казначея.

Соборъ возвышается на восточной сторонѣ внутренняго двора. Онъ четырехсторонній, двухэтажный, подъ двусклонной крышей, о пяти деревянныхъ главахъ и съ круглой, высокой колокольней надъ папертью, пристроенной къ церкви. Его надстроивали и передѣлывали въ разное время, но онъ сохраняетъ прежній видъ. Нижняя церковь собора, во имя Валаамскихъ чудотворцевъ Сергія и Германа, освящена 28 іюня 1799 г., верхняя, во имя Преображенія Господня, освящена 29 іюня 1794 г. при Иг. Назаріѣ. Входъ въ нижнюю церковь—со стороны сѣверныхъ воротъ; входъ въ верхнюю—противъ келій игумена, находящихся посреди западной стороны келій. Въ нижней церкви сохраняются гробницы Валаамскихъ Святыхъ Сергія и Германа; онѣ стоятъ съ лѣвой стороны иконостаса, въ серебряныхъ ракахъ, сооруженныхъ въ 1823 году. Къ сожалѣнію, письменные памятники обители не сохранили преданія о житіи Преподобныхъ. Особая служба Валаамскихъ Святыхъ совершается съ 1817 года, а празднованіе памяти

здѣшнимъ Чудотворцамъ внесено въ мѣсяцесловы, по указу Святѣйшаго Синода 20 октября 1819 года. Верхняя церковь несравненно выше и свѣтлѣе нижней; ея своды поддерживаютъ четыре прямо-сторонніе столба, которые, впрочемъ, не стѣсняють церкви. Въ ней иконостасъ рѣзной, позолоченный, образа темной иконописи, и только нижніе около царскихъ дверей украшены серебряными ризами. Изъ образовъ замѣчательны: «Заключеніе Христа въ темницѣ, Воскресеніе Христово», висящіе за престоломъ, и «Поклоненіе Волхвовъ», висящій надъ входомъ въ церковь. Это копія съ картинъ новой живописи, подаренныя, съ рѣдкими святцами, бывшимъ Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, Кн. Алек. Ник. Голицынымъ, который посѣтилъ обитель въ 1812 г. Изъ здѣшнихъ колоколовъ: праздничный, въ 550 пудъ, поліелейный, въ 150 п., и всеневный, въ 82 п., съ изображеніями и надписями, отлиты на островѣ въ 1820 г. мастеромъ изъ Валдая А. А. Шиловымъ; воскресный, въ 251 п., отлитъ въ Москвѣ 29 сентября 1803 г. и привезенъ въ 1809 г.; трапезный, неизвѣстно какого вѣса, вылить при Иг. Ефремъ въ 1754 г. въ С.-Петербургѣ мастеромъ Д. Евдокимовымъ; часовой, въ 56 п., вылить Шиловымъ въ 1826 г., изъ вещей, пожертвован-

ныхъ обители, послѣ погребенія Императора Александра Павловича; звонный, въ 9 п. 25 ф., вылитъ въ 1763 г.

Между соборомъ и Успенской церковью нѣсколько келій занимаетъ ризница, замѣчательная немногочисленностію церковныхъ вещей дорогой цѣны,—Валаамская обитель находится вдали отъ губернскихъ, богатыхъ городовъ и въ малонаселенномъ, чуждомъ краю, но случаями, по которымъ пожертвованы эти вещи. Впрочемъ всѣ онѣ принадлежатъ тремъ послѣднимъ вѣкамъ. Шелковый набедренникъ, вышитый золотомъ, съ надписью «отъ раба Дмитрія», увѣряютъ, даръ Князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, героя, спасшаго Россію въ 1612 г. и извѣстнаго своими пожертвованіями въ послѣдніе годы жизни; серебряные алтарные сосуды, напрестольный ковчегъ и настоятельская парчевая риза, вышитая на оплечь бархатными цвѣтами и подложенная бумажнымъ тикомъ — усердные дары Императрицы Елисаветы Петровны. Прочіе вклады пожалованы въ позднѣйшее время. Государь Императоръ Александръ Павловичъ щедро украсилъ обитель послѣ пребыванія на Валаамѣ. Онъ удостоилъ своимъ посѣщеніемъ обитель 10 августа 1819 года, на пути изъ г. Архангельска въ г. Каану Улеборг-

ской губерніи, по переѣздѣ гравшцы Финляндіи при Салмисѣ и прибытіи въ г. Сердоболь (Описаніе путешествія Императора Александра I-го, сост. Гриппенбергомъ. 1828 г. С.п.б. ст. 6). Въ намѣреніи пробыть на острову три часа, Государь оставилъ свою свиту въ городѣ, отплылъ въ озеро на шлюбкѣ и прибылъ на Валаамъ въ позднее вечернее время, въ неожиданнѣйшій часъ. Иноки встрѣтили Императора на паперти церкви, гдѣ терпѣливо Онъ ожидалъ; пока ее отперли. Они были не менѣе удивлены на другой день, когда Государь первый пришелъ къ заутрени, отказался отъ царскаго мѣста, ставъ между ними, и выслушалъ все продолжительное монастырское Богослуженіе. Но въ этотъ день и слѣдующій не было попутнаго вѣтра, и Государь соизволилъ прожить на Валаамѣ (въ гостинницѣ) три дня. Онъ осмотрѣлъ въ это время все хозяйство обители, удостоилъ своей бесѣды Игумена Иннокентія, братію, даже иноковъ отшельниковъ, въ ихъ уединенныхъ кельяхъ среди лѣса. Дары Императора Александра I-го, обогатившіе обитель, составляютъ одиннадцать ризъ золотой парчи, изъ которыхъ настоятельская и перво-діаконскій стихарь вышиты на оплечьяхъ золо-

томъ, по зеленому бархату. Онѣ присланы въ слѣдующемъ году. Тогда же пожалованъ былъ **Иг. Иннокентію брильянтовый наперстный крестъ, съ правомъ употреблять его всѣмъ здѣшнимъ игуменамъ во время священнослуженія, и купленъ домъ для подворья обители въ С. Петербургѣ въ Коломнѣ на Козьемъ болотѣ. Выстроенную на подворьѣ церковь, во имя Св. Сергія и Германа, и освященную 4-го сентября 1821 г., Государь посѣтилъ 30 марта 1822 г. Посѣщеніе обители Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ 1844 г., на пути въ г. Архангельскъ, на пароходѣ Ладога, ознаменовано даромъ серебряныхъ сосудовъ изящной отдѣлки. Замѣтимъ кстаті: курганъ изъ цвѣтовъ съ мраморнымъ памятникомъ, поставленный на подошвѣ монастырской горы со стороны залива, въ нижнемъ саду, означаетъ, какъ видно изъ надписи, то мѣсто, гдѣ Его Императорское Высочество началъ списывать видъ обители, а надпись на отвѣсѣ противоположнаго берега залива указываетъ, гдѣ Великій Князь извоилъ окончить этотъ видъ (Валаамскій монастырь. С.п.б. 1847 г. ст. 21). О благочестивомъ усердіи гражданъ въ Валаамской обители напо-**

минають болѣе церкви, возведенныя и украшенныя иждивеніемъ благодѣтелей.

На западной сторонѣ внутренняго двора, среди братскихъ келій находятся небольшія кельи игумена. На южной сторонѣ келій, слѣва отъ воротъ, ведущихъ на задній внѣшній дворъ, расположены поварня и трапезная; справа устроена церковь, во имя Святителя Николая Чудотворца, освященная 4-го августа 1793 г. Эта церковь и Успенская не отдѣляются отъ сплошнаго строенія келій, и замѣтны только по четырехграннымъ главамъ. На заднемъ внѣшнемъ дворѣ, съ лѣвой стороны тѣхъ же воротъ находится канцелярія, съ правой, библіотека. Многія изъ здѣшнихъ рукописей очень рѣдки и замѣчательны содержаніемъ: «Оглашенія» Преподобнаго Феодора, игумена Константинопольской Студійской обители, или «бесѣды его къ братіи», поучаютъ различнымъ обязанностямъ въ общежитіи. Книги Отцовъ Григорія Паламы, Каллиста Антиликуды, Симеона Новаго Богослова, Преподобнаго Нила Сорскаго, Русскаго писателя, даютъ спасительныя наставленія и предостереженія къ молитвѣ. Для руководства къ жизни въ скитуи пустыняхъ служатъ книги: Патерики, книга знаменитаго наставника Безмолвниковъ Исаака

Сирскаго; книга «Цвѣтникъ» священноинока Дорофея, Русскаго писателя, жившаго, какъ видно изъ самой книги, во времена Патріарховъ, и проч. Нѣкоторыя сочиненія давнихъ изданій. Замѣтимъ: Служебникъ полный. 1620 г. Кіево-Печерская Лавра, Евангеліе учительное на праздники господскіе и нарочитыхъ святыхъ. 1620 г. Могилевъ, Евангеліе. 1657 г. Москва, Ключъ разумнія. 1659 г. К. П. Л., Анфологіонъ. 1660 г. Москва, Миръ съ Богомъ или покаяніе святое. 1664 г. К. П. Л., Бесѣды на Іоанна Евангелиста. 1665 и 1793 К. П. Л., Акафистъ со стихарями и кононами. 1667 г. Кіевъ и 1698 г. Могилевъ, Обѣдъ духовный Симеона Полоцкаго. 1681 г. Москва, Календарь или мѣсяцословъ историческій на лѣто отъ Р. Х. 1729. Москва и проч. Изъ свѣтскихъ книгъ собраны въ бібліотекѣ преимущественно тѣ изданія на Русскомъ языкѣ, которыя относятся до здѣшняго края.

Среди южныхъ келій, противъ воротъ вѣшняго двора находится больница съ пространномъ корридоромъ и особою трапезою, а посреди больницы возвышается двухэтажная церковь, называемая больничной или кладбищенской. Въ нижней церкви престолъ, во имя Живоноснаго Источника (празднуемаго на Святой недѣлѣ въ пятницу), освященъ, вмѣ-

стѣ съ выстроенною больницею, 30 іюня 1814 г. при Иг. Иннокентіѣ. Здѣсь надъ входомъ висить четвертая изъ картинъ, упомянутыхъ выше (см. ст. 44), «Жертвоприношеніе Исаака». Въ верхней престолѣ, во имя Св. Троицы, освященъ въ 1837 г. Правѣ больничной церкви, въ нижнемъ этажѣ находится пекарня для просфоръ. Въ обители, по лѣвую сторону больницы, старые клены, остатки бывшей здѣсь кленовой рощи, осѣняютъ кладбище иноковъ, на которое ходъ со стороны залива черезъ ворота внѣшняго западнаго двора; по правую, въ отдѣльныхъ каменныхъ домахъ помѣщаются наемные рабочіе, конюшни, кузница, а по одалъ находимъ деревянную мельницу при маленькомъ прудѣ и хлѣбный магазинъ. Все это расположеніе и устройство Валаамской обители тѣмъ болѣе замѣчательно, что почти неизмѣнно сохранилось со временъ Иг. Назарія.

Въ первокласной Спасопреображенской обители, въ число положеннымъ штатомъ 50 служащихъ и 20 больничныхъ монаховъ и въ число столькихъ же послушниковъ (на основаніи 5 пункта Высочайше утвержденныхъ правилъ 29 мая 1832 г.) судя по 1850 г., состоятъ: игумень, 16 іеромонаховъ, 8 іеродиаконовъ, 42 монаха, 33 определенныхъ послушниковъ и остается 4 монаше-

скихъ, 37 послушническихъ незанятыхъ должностей. Кромѣ того проживаетъ до 50 и болѣе богомольцевъ, трудящихся по обѣщанію, и до 80 вольнонаемныхъ рабочихъ.

Обычай Валаамскихъ иноковъ замѣчательны для любопытныхъ и спасительны для прибывающихъ раздѣлять съ ними молитву и постъ. Вотъ въ чемъ проходитъ здѣсь лѣтній день. Въ девять часовъ утра, по короткому звону иноки собираются къ поздней обѣднѣ; они совершаютъ ее постоянно въ соборѣ. Громкое, внятное чтеніе и тотъ протяжный, возвышенный напѣвъ, который заимствованъ отъ Грековъ и, въ сравненіи съ прочими напѣвами, названъ Русскими столбовымъ или знаменнымъ, возбуждаютъ невольно вниманіе къ священной службѣ. Богомольцы не видятъ, какъ проходитъ время обѣдни, продолжающейся два часа съ половиною и болѣе. Обѣдню оканчиваютъ иноки молебномъ Божіей Матери и Св. Сергію и Герману. Изъ церкви они выходятъ прямо въ трапезу обѣдать, куда приглашаютъ и богомольцевъ мужчинъ, не допуская въ обители своей ни какой купли, ни продажи, кромѣ продажи свѣчей и просфоръ. Женщинамъ и семействамъ предоставляютъ общую трапезу въ гостинницѣ. Трапеза иноковъ обширна, освѣщена

съ двухъ продольныхъ сторонъ большими окнами и украшена изображеніями Преподобныхъ Отцевъ, во весь ростъ, на простѣвкахъ оконъ. Столы разставлены вдоль трапезы подлѣ оконъ; ихъ накрываютъ въ будни почти на сто человекъ, а въ дванадесятые праздники, вдвое болѣе. Собравшіеся иноки садятся вокругъ столовъ не прежде, какъ когда очередной іеромонахъ прочитаетъ молитву и благословитъ поставленное кушанье. Во время стола, одинъ изъ иноковъ выразительно читаетъ житія святыхъ изъ Миней-четія, или поученія изъ отеческихъ книгъ, на амвонѣ, стоящемъ посреди трапезы. Въ обыкновенномъ сборѣ стола иноковъ, для каждаго ставится деревянная тарелка съ ложкой и кладется ломоть хлѣба; ручникъ покрываетъ двѣ тарелки, изъ чаши съ пищею вкушаютъ четыре инока, сидящіе по двое на противоположныхъ сторонахъ стола; а высокая оловянная чаша квасу съ ковшомъ, между двухъ деревянныхъ солонокъ, служитъ восьми инокамъ, сидящимъ вчетверомъ, другъ противъ друга. По звонку іеромонаха, послушники выходятъ изъ за стола, снимаютъ пустыя чаши и приносятъ изъ поварни слѣдующія кушанья. За обѣдомъ бываетъ четыре перемѣны ихъ, за ужиномъ три. Пища отличается свѣжестью, вкусомъ и выборомъ

припасовъ. Она состоитъ во время поста изъ однихъ овощей; для говѣющихъ ее не приправляютъ даже постнымъ масломъ; рыбу употребляютъ постомъ только въ праздничные и указные церковнымъ уставомъ дни. Въ скоромные дни уха и кусокъ пирога съ рыбой и яцами, самыя лучшія блюда здѣшнихъ иноковъ. Ржаной хлѣбъ здѣсь преврасно готовится: онъ чисто высеенъ, ровно выпеченъ, четверугольный видомъ, съ мягкою коркою и, какъ здѣшній хлѣбный квасъ, не имѣетъ ни острой кислоты, ни приторной сладости. Сладкіе плоды изъ садовъ и огородовъ обители раздѣляются не иначе, какъ за общою трапезою, въ концѣ стола. Трапезу продолжаютъ иноки, за обѣдомъ, около полчаса времени, за ужиномъ, еще скорѣе и заключаютъ общою молитвою. Въ будни, отдохнувъ съ часъ времени, каждый изъ нихъ принимается за возложенное на него занятіе по хозяйству обители. Въ великіе праздники, за часъ до вечерни, иноки съ богомольцами собираются въ трапезу, на общій чай. Это единственный напитокъ, оживляющій смиренныхъ иноковъ. Они пьютъ его изъ деревянныхъ чашечекъ, а стаканы предоставляютъ богомольцамъ. Нельзя не замѣтить, какъ весь этотъ обычай монастырской трапезы простъ, удобенъ

и сообразенъ съ духомъ братскаго общенія и любви.

Въ шесть часовъ вечера, когда общественные труды почти всѣ оканчиваются, иноки совершаютъ вечерню, которая продолжается два часа времени въ верхней церкви собора. Къ вечерни прибавляютъ кононы Спасителю, Богоматери и Ангелу Хранителю и акафисты, которые читаютъ Спасителю въ Воскресные а Богоматери въ прочіе дни. Послѣ вечерни иноки идутъ прямо въ трапезу ужинать; отсюда возвращаются въ церковь, чтобы совершить правило, состоящее изъ молитвъ, помянника и поклоновъ; потомъ идутъ въ нижнюю церковь приложиться къ ракъ Валаамскихъ чудотворцевъ, и уже тогда расходятся по кельямъ на покой. Въ этой поздней вечерней службѣ участвуютъ и богомольцы, увлекаясь общимъ примѣромъ иноковъ. Съ девяти часовъ вечера водворяется въ обители глубокая тишина. Лѣтомъ наканунѣ Воскресенья, или праздничнаго дня, за вечернею, которую начинаютъ тогда въ пять часовъ вечера, слѣдуетъ въ семь часовъ всеночная и продолжается за полночь. Торжественный гулъ большихъ колоколовъ за всеночной, возвѣщая о наступленіи праздника, раздается въ дальнихъ окрестностяхъ обители. Шловецъ, слыша

этотъ гулъ на озерѣ, воспоминаетъ объ обители, славящей Бога на вершинѣ уединенной скалы, въ нерушимую тишину ночи, передъ яркимъ огнемъ, и, чувствуя всю тщету своихъ заботъ, воспламеняется самъ ревностію къ молитвѣ. Въ обыкновенные дни, вмѣсто всеночной, бываетъ заутреня, въ три часа утра. За полчаса передъ звономъ, за дверью каждой кельи раздается колокольчикъ и слова: «пѣнію время и молитвѣ часть», инокъ легко пробуждается и отвѣчаетъ: «аминь». И у богомольцевъ, еще не привыкшихъ къ долгой и частой службѣ, сонъ здѣсь чутокъ и не дологъ: постъ облегчаетъ сонъ, молитва настраиваетъ вниманіе. Собравшись въ церковь, иноки посылаютъ раннюю молитву свою Богу, еще до восхода утренней зари, прежде нежели появленіе солнца оживить всю природу. Послѣ заутрени слѣдуетъ ранняя обѣдня. Она бываетъ чаще въ нижней соборной церкви, гдѣ служатъ потомъ молебны Преподобнымъ Сергію и Герману. Подобно инокамъ, богомольцы проводятъ въ утренней молитвѣ около четырехъ часовъ сряду, но при всемъ чувствѣ усталости бываютъ довольны собою, какъ послѣ истинно-добраго дѣла и какъ очень рѣдко въ мірской жизни.

Внѣ Валаамской обители иноки, изнуренные

лѣтами и испытанные во многихъ послушаніяхъ поселяются, для большаго преуспѣянія въ подвигахъ благочестія, въ общемъ скиту. Валаамскій скитъ находится на сѣверной сторонѣ скалистаго острова, составляющаго противоположный берегъ Монастырскаго залива. Самая близкая, пѣшеходная дорога въ скитъ идетъ съ монастырской горы, черезъ заливъ, который переплываютъ на лодкѣ, всегда готовой, и лѣсомъ, на разстояніи полторы версты. На этомъ пути встрѣчаются часто площади гладкаго, плотнаго, сѣраго гранита, съ бороздами, по направленію отъ ССВ. къ ЮВВ.; онѣ высовываются изъ подъ наносовъ, занятыхъ во многихъ мѣстахъ пашнями, или лугами; но какъ наносы эти глубже въ рывинахъ и содержатъ болота, то это доказываетъ, что гранитъ и островъ были не такъ давно подъ водою. Изъ скита обыкновенно возвращаются по другой дорогѣ, по проѣздной, пролегающей вокругъ верхняго конца Монастырскаго залива, и заходятъ на кирпичные заводы. Здѣсь видимъ шатерь надъ тремя печами, въ каждой по 9 топокъ съ двухъ сторонъ; два ворота, движущихся лошадьми, для смѣси глины и каждый кирпичъ, выходящій изъ станка, съ клеймомъ, которое означаетъ славянскими буквами не только мѣсто,

но и годъ выдѣлки кирпича. Любопытно также отправиться въ скитъ на иноческомъ ка-терѣ, по извилистымъ водамъ Монастырскаго залива, соединяющагося со Скитскимъ: здѣсь, на протяженіи трехъ верстъ, можно любоваться роскошной зеленью береговъ внутри острова. Скитъ помѣщенъ на одной изъ обнаженныхъ площадей гранита въ густомъ безмолвномъ лѣсу. Онъ основанъ Игуменомъ Назаріемъ. При основаніи скита положено: непрерывно читать псалтырь, по-смынно, черезъ два часа, днемъ и ночью, отправлять Богослуженіе въ Воскресные и субботніе дни, употреблять пищу изъ однихъ кореньевъ и не дозволить входа лицамъ женскаго пола. Скитская братія, въ числѣ 10 иноковъ, строго исполняя все это доселѣ, поминаетъ въ молитвахъ своихъ почившихъ братій и благодѣтелей обители и, въ свободное время отъ церковной службы, общаго труда по хозяйству и келейнаго правила, занимается разными рукодѣльями въ кельяхъ. Въ день Св. Пасхи она соединяется съ братією обители и участвуетъ въ Богослуженіи и трапезѣ. Первыя строенія скита: однопрестольная церковь, во имя Всѣхъ Святыхъ, 8 келій, отстоявшихъ одна отъ другой на 20 саженой, по сторонамъ ограды, были построены изъ камня, по въ маломъ

размѣръ. Нынѣшнее строеніе скита несравненно красивѣе и больше. Оно состоитъ : изъ ограды, четырехсторонней съ круглыми углами, въ видѣ башней, по которой расположены кельи о шести окнахъ, раздѣленные на два жилья общимъ ходомъ и соединенныя полисадами, и изъ высокой двурусской церкви посреди площади. Изъ этихъ келій двѣ нѣсколько больше: въ одной трапеза, въ другой, съ деревянной свѣтлицею, помѣщеніе для игумена. Ограда и кельи построены въ 1844 году. Все строеніе скита занимаетъ гранитную площадь, сравненную посредствомъ пороха; оно утверждено на туземномъ гранитѣ, въ родѣ дикаго камня, и выведено изъ кирпича собственнаго издѣлія, который отличается яркимъ цвѣтомъ и мелкимъ зерномъ, жирнымъ на ощупь. Церковь вѣнчаютъ: большая глава подъ округлою крышею и маленькія главы съ остроконечными яблоками подъ крестами, продолжающія четыре угла церкви; надъ папертью церкви возвышается круглая колокольня со сводами подъ конической крышею; крыша, главы и кресты вызолочены чрезъ огонь на мѣди; стѣны церкви со входной и алтарной сторонъ украшены двусклонными щитами, окна парныя и вверху округлыя. Этой красотой, удобствомъ и прочностью скитъ одолженъ дѣятельному тщанію

о. Игумена, планамъ Ак. г. Горностаева и благотворенію Московскаго Почетнаго Гражданина **Ө. Ө. Набилкова**, пожертвовавшаго на устройство скита 25 тысячъ руб. асс. Въ нижнемъ ярусѣ скитской церкви престолъ, во имя Всѣхъ Святыхъ, освященъ 18 августа 1849 г.; въ верхнемъ, во имя Небесныхъ Силъ или Девяти чиновъ Ангельскихъ. Освященіемъ этого престола 18 іюля 1850 г. ознаменовалъ свое пребываніе на Валаамѣ **Высокопреосвященный Митрополитъ Никаноръ**, посѣтившій обитель на пароходѣ «Усердный». До тѣхъ поръ только Митрополита Михаила видѣли здѣсь. Онъ прожилъ съ 17 іюля 1819 г. четверо сутокъ. Иконостасы въ обѣихъ церквахъ рѣзные, вызолоченные, съ образами въ золотомъ полѣ, и все внутреннее устройство ни въ чемъ не уступаетъ столичнымъ церквамъ. Колокола въ скиту отличаются надписями; на колоколѣ, въ 96 п. 18 ф., изображено: «хвалите Бога во святыхъ Его, хвалите вси Ангели Его»; на колоколѣ, въ 47 п. 38 ф., «вечеръ, утре и полудне повѣмъ, возвѣщу и услышатъ гласъ мой». Оба вылиты 12 іюня 1850 г. на Охтѣ, на заводѣ Валдайскаго купца **М. М. Стуколкина**.

Версты за полторы отъ обители къ сѣверу находятся уединенные скиты или пустыни, въ

которыхъ иноки старцы, большей частію схимонахи (отличающіеся изображеніемъ на одеждѣ святыхъ надписей, главъ Серафимовъ и надгробныхъ крестовъ), чтобы успѣшнѣе облечься въ новаго человѣка передъ смертію, смиряютъ свою плоть и питаютъ духъ молитвой въ совершенномъ уединеніи, даже отъ братства. Эти иноки отшельники приходятъ въ общую обитель только по субботамъ и наканунѣ праздниковъ, для исповѣди, или участія въ церковной службѣ и удаляются въ пустыни на другой день послѣ трапезы. Надо видѣть жизнь инока въ безмолвномъ лѣсу, въ тѣсной и темной кельѣ, надо слышать его рѣчи, проникнутыя духомъ Св. Писанія, ясныя, многозначущія и поучительныя, чтобы понять все величіе этого человѣка, который притомъ, еще въ юности, разорвалъ всѣ связи съ міромъ, для безпрепятственнаго стремленія къ горней жизни, обѣщанной ученіемъ Христа. Въ окрестностяхъ обители многія мѣста называются по именамъ бывшихъ отшельниковъ, но теперь только два инока живутъ въ пустыняхъ.

На Валаамъ замѣчателенъ также древній уединенный скитъ Св. Александра Свирскаго. Онъ находится въ семи верстахъ отъ обители къ сѣверу, на такъ называемомъ Святомъ острову, извѣст-

номъ прежде, какъ видно изъ описи плана о. Валааму, составленнаго въ 1784 г., подъ именемъ Стараго Валаама. Этотъ островокъ считается самымъ высокимъ между Валаамскими островками, и берега его, почти со всѣхъ сторонъ отвѣсныя, ржавые столь правильно разбиты трещинами, что островокъ кажется издали крѣпостью, складенною нарочно изъ камня. Нигдѣ притомъ основная толща не разрушается такъ явно, какъ на этомъ высококомъ и—слѣдовательно давно осушенномъ островкѣ: здѣсь темносѣрый гранитъ распадается по зернамъ и огромнымъ камнямъ и содержитъ нѣсколько береговыхъ уступовъ, усыпанныхъ краснобурой почвой. По свидѣтельству мѣстнаго преданія, Преподобный, просвѣтясь въ юношескомъ возрастѣ назидательнымъ сновидѣніемъ, удалился изъ дому родителей съ береговъ рѣки Свири на Валаамъ и, постриженный здѣсь въ 1447 г. Игуменомъ Іоакимомъ, спасался на о. Святомъ въ пещерѣ, изсѣченной въ скалѣ подъ большимъ камнемъ, гдѣ до сихъ поръ замѣтенъ маленькій очагъ, сохраняются образъ и крестъ очень древніе и найдены недавно двѣ мѣдныя монеты: Шведская 1666 г. и Русская 1750 г. Въ память пребыванія Св. Алѣксандра Свирскаго на островкѣ стоитъ часовня, во имя Его, и сюда не преминуетъ зайти по-

молиться судовщикъ , остановившійся въ одной изъ здѣшнихъ сѣверныхъ пристаней Валаама.

Валаамскіе иноки отправляютъ по временамъ священнослуженіе и разныя порученія отъ братства и внѣ острова, въ дальнихъ мѣстахъ. Когда Высочайше разрѣшено было учредителю Американской Компаніи Рыльскому купцу Григорію Шелехову съ товарищемъ Курскимъ Головою Иваномъ Голиковымъ отправить и содержать посольство, для просвѣщенія Православной вѣрой жителей Русскихъ владѣній въ Америкѣ, Иг. Назарій избралъ восемь человекъ здѣшнихъ иноковъ, между которыми Иеромонахъ Іоасафъ (Куз. Алек. Болотовъ) получилъ полное семинарское образованіе. Изъ писемъ Валаамскаго инока Германа къ Иг. Назарію и Коневскаго ин. Іосифа (Очерки Россіи Пассека. 1842 г. ч. 5. ст. 223) видно, что въ этомъ посольствѣ участвовали и Коневскіе иноки. Всѣ отправились въ путь въ 1793 г., прибыли въ Охотскъ 13-го іюля слѣдующаго года и, проповѣдывая Св. крещеніе, сначала въ Якутскѣ, потомъ на о. Кадьякѣ, гдѣ Алеуты охотно крестились, успѣли въ теченіе года обратить въ Православную вѣру до семи тысячъ человекъ и заложить двѣ церкви, кромѣ того, что содержали двѣ походныя церкви. Но изъ десяти ино-

ковъ Иеромонахи : Коневскій Макарій и Валаамскій Ювеналій (изъ горныхъ офицеровъ), особенно были неустрашими и усердны. Пускаясь по морю въ маленькихъ кожаныхъ лодкахъ, они охотно несли Евангеліе на дикіе острова, и спорили другъ съ другомъ, желая идти въ болѣе опасныя мѣста къ Аляксѣ. Макарій отправленъ былъ въ 1795 г. въ Уналашку, гдѣ, объѣхавъ весь тамошній отдѣлъ отъ Унги до Четырехсопочныхъ острововъ, окрестилъ всѣхъ Алеутовъ, онъ выбылъ въ слѣдующемъ году въ Иркутскъ; а Ювеналій отправился въ Нучекъ и, окрестивъ тамъ болѣе 700 жителей Чугачъ, потомъ всѣхъ жителей въ Кенайскомъ заливѣ, продолжалъ путь на Аляксу къ озеру Илямнѣ. Но тутъ возстали противъ него Американцы, не столько за воспрещеніе многоженства, сколько въ раскаяніи, что отдали дѣтей для обученія ихъ въ Кадьякъ. Онъ предался убійцамъ безъ сопротивленія, прося одной пощады своимъ спутникамъ, которую они и оказали. Поверженный стрѣлами на землю, нѣсколько разъ вставалъ увѣщевать убійцъ и смолкъ, когда они изрубили его въ куски. Эта мученическая смерть ин. Ювеналія, во славу Христіанства, устрасила всѣхъ дикарей. Прочіе участники посольства служили въ церквахъ и обучали дѣтей въ школахъ. Ин. Германъ, живя

на отдѣльномъ островѣ Еловомъ, занимался молитвою и хозяйствомъ и обучалъ тому же своихъ малолѣтнихъ воспитаницъ Алеутокъ-сиротъ. Къ сожалѣнію, Настоятель Іоасафъ, посвященный въ Иркутскѣ Кадьякскимъ Викарнымъ Епископомъ въ 1799 г., потонулъ на возвратномъ пути въ Кадьякъ, со всѣмъ судномъ Фениксъ, при берегахъ одного острова. Со смертію Іоасафа уничтожился Викариатъ. Іеромонахъ Макарій и Іеродіаконъ Стефанъ и два церковныхъ служителя также потонули; монахи Іоасафъ и Германъ умерли здѣсь, а Іеромонахъ Аеонасій и Іерод. Нектарій выбыли изъ Кадьяка (Записки объ островахъ Уналашкинскаго отдѣла о. Н. Веніамінова, нынѣ Епископа Камчатско-Алеутско-Курильскаго Преосвященнаго Иннокентія. Спб. 1840 г. ст. 153—159). Валаамскіе иноки помогали приходскимъ священникамъ исправлять церковныя требы въ С. Петербургѣ въ холеру 1831 и 1848 годовъ; тогда было послано сюда 8 іеромонаховъ. Уединеніе на Валаамѣ приучаетъ къ терпѣнію и самоотверженію, съ которыми можно исполнять самыя трудныя духовныя подвиги. По порученію братства здѣшніе иноки содержатъ въ С. Петербургѣ (у Малоохтенскаго перевоза въ Рожественской части) часовню, для сбора подавій, которая, замѣтимъ,

существуетъ здѣсь со времени продажи въ казну дома, бывшего Валаамскимъ подворьемъ въ Коломнѣ, и выстроена на землѣ, подаренной купцами братьями Короваевыми.

Послѣ службы Богу иноки служатъ своему братству. Каждый изъ нихъ исправляетъ то послушаніе, къ которому его находятъ старшіе наиболѣе способнымъ. По свойству потребностей въ братской жизни, эти послушанія раздѣляются: на существенныя, постоянныя, общія, каковы: приготовленіе пищи, мытье бѣлья, шитье одежды и проч., что нѣсколько иноковъ, подъ именемъ хозяйства, помощника и послушниковъ, исполняютъ съ ранняго утра, въ продолженіе цѣлаго дня; и на частныя, каковы: завѣдованіе ризницею, размѣщеніе богомольцевъ, снабженіе лекарствами, чѣмъ занимаются иноки порознь, въ свободное время отъ священной службы, преимущественно тѣ, которые читаютъ, или поютъ въ церкви. При такомъ раздѣленіи труда, занятія тяжелыя, общія достаются на долю сильныхъ, молодыхъ и малограмотныхъ инокъ, а частныя на долю пожилыхъ и священнодѣйствующихъ. Братскій трудъ столь увлекателенъ, что и богомольцы, особенно говѣющіе, охотно убираютъ церковь, работаютъ въ садахъ и огородахъ и участвуютъ въ разно-

образныхъ послушаніяхъ иноковъ. Нужды здѣшняго братства не ограничиваются пищею, одеждою, церковнымъ и домашнимъ уходомъ; полеводство, огородничество, рыбныя ловли и въ особенности постройки, что все производятъ иноки съ вольнонаемными людьми, требуютъ надзора. Этому посвящаетъ силы игумень, полный хозяинъ острова. Всякій общежительный трудъ требуетъ со стороны иноковъ безпрекословнаго повиновенія и совершеннаго послушанія настоятелю—безъ его благословенія иноки не приступаютъ ни къ чему, равно братской любви другъ къ другу и надежды на помощь Божію; со стороны игумена общій трудъ предпринимается съ согласія братіи, особенно старшей, и всякое настояніе по труду и жизни бываетъ въ духѣ смиренномудрія, терпѣнія и любви. Въ этихъ правилахъ очевиденъ духъ ученія Христова. Какъ ни тяжело и строго иноческое общежитіе на Валаамѣ, по уставу принесенному старцемъ Назаріемъ изъ Саровской пустыни, многіе свѣтскіе люди подчинили ему цвѣтушія лѣта свои, родъ, состояніе, заслуги и воспитаніе, для ревностнаго служенія Богу; они состарѣлись здѣсь въ подвигахъ поста и молитвы и забыли все на свѣтѣ, кромѣ Творца вселенной.

Тѣмъ болѣе духовное общежитіе на Валаамѣ назидательно для свѣтскаго человѣка.

Чтобы получить нѣкоторое понятіе о естественныхъ способахъ Валаама къ общественной жизни и о сельскомъ хозяйствѣ здѣшней духовной обители, необходимо коснуться главныхъ предметовъ природы этого острова, въ порядкѣ ихъ взаимнаго подчиненія другъ другу. Воды Валаама, повсюду видимыя на острову, имѣють разнообразную глубину и поверхность. Озеро, при каменныхъ отвѣсныхъ берегахъ, кругомъ острова, содержитъ до 70 сажень глубины; заливы внутри острова значительно мельче: они отъ 20 сажень до одного аршина глубиною. Эта глубина заливовъ прибываетъ, если дуетъ сильный вѣтеръ со стороны озера, и убываетъ, если онъ дуетъ со стороны острова. Она увеличивается, по замѣчаніямъ иноковъ, временно, семь лѣтъ сряду, и столько же лѣтъ уменьшается. Впрочемъ обнаруженіе подводныхъ скалъ, невозможность плыть на лодкахъ тамъ, гдѣ ходили прежде соймы, и бѣлыя полосы на скалистыхъ берегахъ отъ устоя водъ, видимыя гораздо выше настоящаго ихъ уровня, свидѣтельствуютъ еще о безвозвратной убыли заливовъ и—конечно самаго озера, потому что, тѣ же полосы замѣтны на всемъ сѣверовосточномъ

скалистомъ и частію сѣверозападномъ его берегахъ. Эта убыль, по увѣренію старцевъ, происходитъ въ теченіи тридцати лѣтъ на одинъ аршинъ глубины. Но повсемѣстный обзоръ и сравненіе бѣлыхъ полосъ, проникающихъ камень, которыя поверхность тихихъ водъ осаждаетъ, какъ нарочно, въ знакъ послѣдовательнаго и постепеннаго измѣненія заливовъ и озера, можетъ вести къ болѣе вѣрнымъ заключеніямъ; къ сожалѣнію, этого обзора еще не сдѣлано.

На разной глубинѣ водъ иноки пользуются разною рыбою. Они ловятъ ее большей частію кругомъ острова, и по этому на всѣхъ сторонахъ его содержатъ рыбачьи пристани. Каждая пристань имѣетъ плотъ, часовню, двухъ-ярусную избу, для пристанища и для соленія рыбы, и погребъ, для ея склада. Въ ловляхъ ихъ участвуютъ прибрежные рыбаки, наиболѣе Корелы сѣверовосточнаго берега озера; за это каждый изъ нихъ удѣляетъ обители извѣстное количество рыбы. Впрочемъ лѣтъ за сто передъ симъ Корелы свободно ловили рыбу въ предѣлахъ Валаамскихъ водъ, которыхъ границу со стороны Салминской положили тогда на линіи Крестоваго острова (Ристасари); но когда рыбаки Тервускіе и Якимварскіе стали оспаривать нѣкоторые острова у обители, эти

ловли были ограничены. Съ тѣхъ поръ береговые рыбаки обязались доставлять въ пользу обители по нѣскольку сигаговъ. Нынѣ, съ увеличеніемъ цѣны на рыбу, каждый рыбакъ удѣляетъ до двухъ дюжинъ сигаговъ. Рыбныя ловли начинаются весною, въ озерѣ, съ харьюса до двухъ четвертей длины, въ заливахъ, со щуки. Сначала лѣта ловятъ посредствомъ кереводъ: лосось и сигъ—лудугу; около Петрова дня, паровой (большой) сигъ. Въ то же время, на глубинѣ отъ 12 до 20 сажень, противъ сѣверовосточныхъ пристаней острова Тростяной и Баённой, идетъ, на крючки съ наживой изъ плотвы, корюшки, особенно ряпушки, ямная палья, а на глубинѣ отъ 50 до 150 саж., палья кряжевая. Позднимъ лѣтомъ противъ заходной Петровской пристани ловятъ мережами и кереводами: черный сигъ около двухъ четвертей длины, и въ разныхъ мѣстахъ, палю на ростовую, то есть, кидающую икру, а въ южной Никоновой и сѣверовосточной Баённой пристаняхъ ловятъ малёкъ или всякую наживу для крючка. Впрочемъ цѣлое лѣто попадаются въ озерѣ большіе окуни, въ заливахъ, маленькіе окуни; въ Лещевомъ озерѣ, лещи, въ тѣсныхъ мѣстахъ между островами, караси и проч. Съ половины ноября, почти круглый мѣсяць, между ос. Святымъ и

монастырской горой, противъ юговосточной пристани Желѣзныхъ воротъ и въ Никоновой, гдѣ только удобно ставить сѣти, ловится маленькій, сладкій сигъ, называемый «Валаамка», который каждый разъ появляется въ этихъ мѣстахъ стадами, кидаетъ икру и черезъ день пропадаетъ. Среди зимы ставятъ только мережи для налимовъ. Самымъ обильнымъ и удобнымъ мѣстомъ для ловли рыбы около острова, гдѣ можно ловить ее до поздней осени, иноки считаютъ мѣсто противъ Петровской пристани. Разное количество рыбы ловится въ теченіе года: въ 1841 году получено 796 п. 31 ф., въ 1851 г. до 600 п. Въ водахъ около острова живутъ еще тюлени. Они попадаютъ иногда на крючки, опущенные въ озеро для ловли рыбы, заплываютъ также въ мережи и неводы, поставленные въ узкихъ проливахъ, но чаще поѣдаютъ въ сѣтяхъ рыбу, рвутъ ихъ и уходятъ. Туземцы обыкновенно ищутъ тюленей позднимъ лѣтомъ на краяхъ скалъ, гдѣ они спокойно лежатъ на солнцѣ, и бьютъ ихъ изъ ружій. Здѣшній тюлень доставляетъ до двухъ пудовъ жиру.

Пониженіе озера и заливовъ распространяетъ островъ, а съ возмущеніемъ ихъ поверхности увеличивается почва. На водахъ около

острова изрѣдка пролетаетъ чайка, хватая рыбу изъ воды, плещутся семьи черныхъ утокъ между островками; но постоянно ударяють волны. Въ бурные вѣтры, около отвѣсныхъ береговъ, волна поднимается прямо, потрясаетъ кудрявой вершиной и, какъ развязавшійся, огромный снопъ, падаетъ съ плескомъ въ воду; пѣна облегаетъ берега широкой коймой. Къ отлогому берегу волна бѣжитъ издалѣка, входитъ на него съ разныхъ сторонъ широкимъ валомъ, сажени на двѣ выше уровня воды, и катится назадъ струями, съ плескомъ и шумомъ. Сначала она грозитъ разрушеніемъ этимъ берегамъ, потомъ дѣйствительно подмываетъ ихъ, особенно, если они уже треснули: камень распадается съ громкимъ грохотомъ и тяжелымъ ударомъ въ воду. Случается притомъ, къ счастію очень рѣдко, волна быстро влечетъ за собою судно, застигнутое бурей въ озерѣ; пловець, пользуясь благопріятствующимъ вѣтромъ, уже думаетъ на вѣрное укрыться между островками, или въ заливѣ, но вдругъ поднимается здѣсь перекрестный, затаенный вѣтеръ, и волна сокрушаетъ судно о скалу. Въ заливахъ острова волны стелятся широкими складками съ бѣлой, кудрявой коймою, кругомъ разсѣянныхъ скалъ и полудамъ,

онѣ сглаживаютъ гранитъ, дробятъ его и дѣятельно осаждаютъ гдѣ песокъ, гдѣ глину. Напротивъ въ тихую погоду заливы покрываются: чешуею, рубцами, рябью, бываютъ гладки, какъ зеркало и, подобно озеру, содержатъ воду, блестящую на взглядъ и мягкую во вкусѣ. Знакомая съ здѣшней природой, по дорогамъ отъ обители къ рыбачьимъ пристанямъ, испытываемъ два впечатлѣнія этихъ водъ: въ обители на горномъ берегу безмолвнаго залива чувствуемъ покой и довольство, а на берегу дальняго озера, при непрерывномъ шумѣ деревъ и волнъ, разбивающихся о скалы, напротивъ ропотъ и желанье; но тѣмъ милѣе и дороже кажется тишина обители.

Ладожское озеро вообще изобилуетъ островами, а подъ именемъ Валаама представляетъ область 43 островковъ. Эти островки простираются вдоль озера, въ видѣ буквы S, на 8 верстѣ и содержатъ въ окружности 30 верстѣ, а пространства, по изслѣдованію Швейцера (Журн. Мин. Вн. Дѣлъ 1845 г. кн. 8 ст. 281), 28 квадр. в. На сѣверѣ они лежатъ купами, уменьшающимися къ востоку. Здѣсь островки Баѣнные, большіе и малые, около 5 верстѣ въ окружности, и Лембось, которые раздѣлены поперегъ проливомъ и лежатъ угломъ выше первыхъ, составляютъ су-

доемную пристань отъ 7 до 10 саж. глубины, способную вмѣстить безопасно во всякіе вѣтры до 30 гальётовъ; а находящійся выше Святой островокъ и прилежащіе къ нему содержатъ самую сѣверную пристань Черный Носъ (Сурманіеми), далѣе лежатъ Сурхонка (въ 2½ в. отъ Лембоса), Хонка (въ 3 в. отъ послѣдняго) и проч. Сѣверные островки выше прочихъ. По крайней мѣрѣ Святой островокъ или Старый Валаамъ возвышается при обыкновенномъ уровнѣ озера, на 20 саж., прочіе островки не болѣе ста футовъ вышины (около 14 саж.) Восточная сторона Валаама между пристанями Тростяной, Зимняковской и Желѣзныхъ воротъ большею частию пологая, поросшая соснякомъ, и прилежащіе островки, разбитые по краямъ, довольно плоски. Южная сторона, хотя содержитъ отлогія берега, гдѣ, какъ нарочно, складены розсыпи ящеобразныхъ гольшей, изъ разнаго гранита, мрамора и другихъ породъ, но болѣе высокая и отвѣсная. Къ югозападной сторонѣ прилегаютъ островки, которые, понижаясь отъ востока къ западу, простираются остраслями и образуютъ заливы, довольно широкіе въ верхнихъ концахъ своихъ, то есть, на востокѣ. Вспомнимъ Никоновскій и Монастырскій заливы. Въ томъ же направленіи, надо полагать, скло-

няется весь островъ, потому что, на восточной сплошной сторонѣ его, около верхнихъ концевъ заливовъ, или на однѣхъ линіяхъ съ ними, лежатъ почти всѣ 10 Валаамскихъ озеръ, которые, конечно, были сперва продолженіемъ заливовъ и отдѣлились отъ нихъ послѣ значительнаго пониженія Ладожскаго озера. Главныя же высоты Валаама, какъ доказываютъ высокія горы при верхнихъ концахъ Монастырскаго, Никоновскаго и другихъ заливовъ, находятся вдоль и посреди острова.

Вотъ опись озеръ Валаамскаго острова, измѣренныхъ 17 декабря 1846 г. тщаніемъ о. Игумена съ братією, тѣмъ болѣе любопытная, что черезъ нѣсколько лѣтъ по ней можно будетъ правильно судить о степени осушенія острова.

Наибольшую
длиною, шириною, глубиною.

1. Оз. Виталіево (на В. его была пустынь ин. Виталія), овальное, нѣсколько широкое къ сѣверу 65 саж. 29 саж. 4 ар. въ срединѣ озера.
2. Антоніево (по плану Лауко, на С. его была пуст. ин. Антонія), трехугольное. . 148 — 147 — 6 ар. со стороны пустыни.

3. Евейміево (по плану Валмать; на СВ. его была п. Геросимоноха Евеймія), овальное, болѣе широкое къ югу. 107 — 50 — 6 ар. въ срединѣ.
4. Германово (по плану Пало; на СЗ. его была п. ин. Германа, отправленнаго въ Америку), овальное. Оба находятся на линіи Монастырскаго залива близъ Зимняковской пристани . . . 89 — 41 — $3\frac{1}{2}$ ар. въ срединѣ.
5. Желѣзниковское (по плану Курикандо), близъ пристани Желѣзныхъ воротъ, на линіи Скитскаго залива, ромбоидальное 93 — 56 — $5\frac{1}{2}$ ар. въ срединѣ.
6. Лещево, около 4 в. въ окружности, въ видѣ сердца, на линіи Московскаго залива, о трехъ рукавахъ: а) восточный или кирпично-заводскій, названный по кирпичному заводу на С. рукава. 265 — 115 — 9 ар. на Ю. рукава.
- б) Лещевскій или сѣверный, поралельный восточному 390 — 121 — $4\frac{1}{2}$ ар. въ срединѣ.

- с) Аеонасьевскій или южный (на ЮЗ. его была пуст. ин. Аеонасія). 280 — 65 — 4 ар. со стороны пустыни.
7. Никоновское (по плану Мельничное), близъ пристани Никоновской, овальное. . 92 — 48 — 6 ар. въ срединѣ.
8. Игуменское (на СЗ. была п. о. Игумена), овальное. 96 — 58 — 4 саж. со стороны пустыни. Съ нимъ соединяется узкимъ протокомъ
9. Мустоярви (такъ называется оно и на старомъ планѣ) примостороннее, длинное. Съ нимъ соединяется прорытой канавой 86 — 33 — 5 ар. въ срединѣ.
10. Оссіево (на С. была пуст. ин. Оссія), примостороннее, длинное. Эти три озера въ Валаамскомъ планѣ названы Мустоярви 42 — 22 — 3½ ар. въ срединѣ.

Основныя толщи Валаамскихъ островковъ твердаго, сплошнаго и сливнаго строенія. Онѣ преимущественно состоятъ изъ темвосѣраго гранита, мелкозерниатаго и плотнаго, который переходитъ на нѣкоторыхъ высотахъ въ роогообман-

ковой сланецъ (сіенитъ), то есть, вмѣсто слюды замѣняется рогообманкой. Красный гранитъ составляетъ здѣсь болѣе южныя отлогости островковъ; онъ мельче и ровнѣе зернами, нежели рапакиви; его пересѣкаютъ нерѣдко жилы розоваго цвѣта, до двухъ вершковъ шириною, состоящія изъ однихъ кварцевыхъ зеренъ, связанныхъ глиною. Эти сплошныя толщи огневаго происхожденія, измѣнившись въ своемъ составѣ во время образованія, подвергаются большимъ измѣненіямъ отъ соприкосновенія съ водою и воздухомъ. Изъ измѣненныхъ, слоистыхъ породъ здѣсь встрѣчаемъ сѣрый сланецъ, слюдяный и глинистый, равно бурый, песчаный и въ другихъ видахъ. Одна и таже горная порода, въ основаніи острова, со стороны доступной вѣтру и волнамъ, бываетъ темно-бурая, отвѣсная, въ трещинахъ; на верхнихъ склонахъ острова, ржавая, осыпающаяся, а на самой вершинѣ, плоская и выглаженная. На отвѣсныхъ берегахъ островка, съ квадратными трещинами, она распадается на кубическіе куски, которые и лежатъ грудями на подошвахъ; на отлогихъ, съ неправильными трещинами, каменные глыбы сдвигаются съ мѣста. Чѣмъ выше гора надъ водою, то есть, обнаружилась ранѣе, тѣмъ ея порода рыхлѣе. На вершинѣ Мо-

настырской горы, на кладбищѣ иноковъ, находимъ, ржавый рогообманковый сланецъ содержитъ песокъ и дресву, которой куски увеличиваются съ глубиною, и этотъ сланецъ обращается въ песокъ отъ легкаго удара. Какъ на многихъ склонахъ ржаваго хрупкаго сланца, на Крестовомъ островѣ, на горахъ въ пристаняхъ Никоновой и Баённой, видимъ бурый песокъ, неравный зерномъ, который, судя по тяжести и по количеству пристающаго изъ него желѣза къ магниту, изобилуетъ желѣзной рудой; такъ многіе склоны твердаго сыраго сланца покрываетъ болѣе сѣрый, мелкій, глинистый песокъ неравнаго зерна. Все это доказываетъ, что горныя породы, трескаясь, силою воздушнаго электричества, распадаясь на дресву и песокъ, при рѣзкихъ переходахъ воздуха сыраго въ сухой, холоднаго въ теплый, образуютъ почву въ одно и тоже время, какъ на вершинахъ горъ, такъ и тамъ, гдѣ доступна порода порывамъ волнъ и вѣтровъ. При такомъ разрушеніи горной породы и образованіи почвы вершины островковъ сравниваются и соединяются; песокъ, по тяжести своей, остается на мѣстѣ, а глина, по растворимости въ водѣ, увлекается дождевыми и снѣговыми потоками и оседаетъ ниже на отлогостяхъ островковъ. Волны съ своей стороны дѣй-

ствують такимъ образомъ на камень подъ водою. Наносная или осадочная почва на острову двухъ видовъ: сѣроватаго мелкаго зерна, глинистая, довольно глубокая, которая съиспода содержитъ бѣлую глину, покрывающую чистую зеленую глину, какъ у кирпичныхъ заводовъ, и краснопесчаная отъ 4 до 5 дюймовъ глубиною. Почва сѣровато-глинистая преимущественно развита на сѣверо-востокѣ Валаама и служитъ здѣсь ложемъ верхнимъ концамъ заливовъ, озерамъ и вообще сплошной части острова; а краснопесчаная развита на юго-западѣ острова, на высокой его срединѣ. Это явное раздѣленіе почвы Валаама, сообразное общему склону подпочвы, доказываетъ не давнее осушеніе острова, тѣмъ убѣдительнѣе, что пространство почвы, въ сравненіи съ обнаженнымъ каменнымъ пространствомъ Валаама, очень ограничено на острову.

Дикая растительность на Валаамѣ, какъ и на окрестныхъ берегахъ Ладожскаго озера, не разнообразна, соотвѣтственно почвѣ. Въ открытыхъ мѣстахъ, на каменныхъ гладкихъ вершинахъ плоскихъ и низменныхъ островковъ, на нижнихъ склонахъ высокихъ островковъ, на подпочвѣ, обнаруживающейся въ лѣсу изъ подъ наносовъ, замѣтнѣе всего мелкіе лишай, ягели и мхи, трава яго-

докъ (*daphne misereum*), шарообразные кустики съ лиловымъ цвѣтомъ обыкновеннаго вереса (*Erica vulgaris*. Lin), полуземному канервы, и тонкая, рѣдкая сосна, укореняющіяся въ трещинахъ и неровностяхъ, Но межъ деревьевъ лишаи стелются рослѣе и шире, чѣмъ на обнаженномъ камнѣ, и подъ кровомъ рѣдкой сосны они бѣлѣютъ какъ лунные просвѣты. На песчаныхъ участкахъ, по вершинамъ и склонамъ открытыхъ островковъ размножаются ягодные кустики разнаго роста и вида. Но здѣсь земляника ниже всякой травы, дикая роза (шиповникъ) стелится наравнѣ съ травой, ароматная малина (ваапукка) растетъ только на полъаршина отъ земли, и всѣ ягоды созрѣваютъ очень поздно, въ концѣ августа мѣсяца. Водяныя травы здѣсь гораздо многочисленнѣе, и многія рѣдкихъ породъ. По видимому разнообразны и луговые травы, но онѣ встрѣчаются болѣе на пашняхъ, или вблизи ихъ, слѣдовательно, сѣмена этихъ травъ могли развестись отъ хлѣбныхъ сѣмянъ, съ которыми онѣ были смѣшаны, а хлѣбныя сѣмена изъ другихъ губерній не рѣдко употребляются здѣсь, за недостаткомъ своихъ. Изъ многихъ тучныхъ луговъ на острову особенно славится мягкой и великорослой травой лугъ Херрама. Въ 1849 г. иноки накосили сѣна до 1390

копень, полагая каждую въ $8\frac{1}{2}$ пуда. Высокой и густой лѣсъ на тучной почвѣ усѣиваютъ влажные грибы разныхъ видовъ, отъ мелкаго груздя до волнушки въ четверть аршина шириною, и здѣсь тотъ же видъ колокольчика, который едва замѣтенъ на камнѣ въ перелѣскѣ, содержитъ аршинный стебель съ цвѣткомъ въ рюмку. Лѣса разселяются очень опредѣленно. Снаружи островковъ на каменныхъ склонахъ, чуть покрытыхъ бурьямъ, крупнымъ пескомъ, укореняется одна сосна, внутри островковъ, на почвѣ мелкой, глинистой растутъ и ель. Эти деревья разнятся наружностью: сосна овально загибаетъ вверхъ свои вѣтви, напротивъ ель опускаетъ ихъ пирамидою, такъ же какъ здѣшняя почва, не давно образованная, бываетъ въ двухъ видахъ, и произрастаютъ въ смежности другъ съ другомъ, такъ же какъ обѣ почвы покрываютъ одна другую болѣе или менѣе. Здѣсь случается можжевельникъ ровными продолговатыми деревцами. На почвѣ мелкой, болотистой, напримѣръ, сзади монастырской горы, растутъ подлѣ хвойнаго лѣса ольшнякъ и березнякъ. Есть примѣры, что береза и ель, сближаясь, представляютъ одно дерево съ еловыми вѣтвями на одной и березовыми на другой сторонѣ; береза и ольха растутъ чаще кустами, нежели де-

ревьями. Но недостаточная глубина почвы и слабое оттого укорененіе деревь часто бываютъ причиною самоистребленія здѣшнихъ лѣсовъ. Какъ бы не были толсты и высоки деревья, бурный вѣтръ вырываетъ ихъ въ иныхъ мѣстахъ, поодначкѣ, или цѣлыми полосами, и опрокидываетъ совсѣмъ объемомъ корней, которые оказываются тонкими и короткими, совсѣмъ не по объему дерева. Иноки живо помнятъ, какъ 30 августа 1839 г., во время поздней обѣдни, сильная буря повалила цѣлыя полосы лѣса на горѣ обители со стороны ос. Святого. Они не имѣютъ нужды рубить лѣсъ на топливо, едва подбирая валежникъ. Кромѣ того въ воздухѣ здѣшнихъ лѣсовъ очень ощутительно обиліе влаги и не достатокъ теплоты. На всѣхъ берегахъ островковъ сосна растетъ съ отгнившими, обломленными вѣтвями до самой вершины, въ густомъ и высокомъ лѣсу ель бываетъ заволочена мхомъ, какъ паутиною, и на низменной почвѣ осина и береза часто встрѣчаются съ гнилою сердцевиною. Это самоистребленіе лѣсовъ побудило о. Игумена съ братією изыскать и употребить всевозможныя мѣры къ ихъ сохраненію. Во многихъ болотистыхъ мѣстахъ проведены уже водостоки, для осушенія почвы, во всѣ концы острова проложены прямыя и ши-

рокія дороги, для удобнаго сбора валежника, который, падая часто гнететь и разрушаетъ сосѣднія деревья. Впрочемъ лѣсу на Валаамѣ, сравнительно съ его пространствомъ почвы, очень много.

Искусственная растительность отличается здѣсь особеннымъ плодородіемъ. Для пашней и садовъ иноки избираютъ преимущественно краснобурый, крупный песокъ, находящійся въ изобиліи почти на всей лѣвой сторонѣ Монастырскаго залива. На этой почвѣ хлѣбъ родится лучше, нежели на какой другой, и питательныя корни, листья и плоды произрастаютъ съ большою величиною, въ такомъ изобиліи, что иноки запасаютъ овощи на круглый годъ и снабжаютъ ими прибрежныхъ жителей. Въ 1850 г. 5 кулей ржи, посѣянной 8 августа 1849 г., сжатой 10 августа, дали 59 кулей; 31 куль овса, посѣяннаго 3 мая 1850 г., дали 135 в.; 2 четв. ячменя « « « дали 16 четв.; 5 фунт. огурцовъ, посѣян. на грядахъ 21 мая, снятыхъ 22 іюня дали 30,000 огур.; 25 четв. картофеля, пос. 5 мая, сжат. 6 сентября, дали 200 четв.; 17 штукъ тыквъ, посѣян. 10 мая, сжат. 5 сентяб., дали 500 штукъ.

Дыня вѣситъ здѣсь 7 фунт., арбузъ 21 фунт., тыква до 2 пудовъ. На той же почвѣ бывають очень плодоносныя и плодовые деревья: испан-

скія вишни, яблоки (Рамбовской породы) и проч. Многія изъ яблонь въ томъ году принесли до 20 четвериковъ яблокъ. Однако ягоды и плоды здѣсь водянисты, а сливы и груши на вольномъ воздухѣ совсѣмъ недозрѣваютъ, почему ихъ и не разводятъ здѣсь. Эта малозрѣлость плодовыхъ деревьевъ конечно зависитъ отъ недостатка теплоты въ воздухѣ. Но какъ сырой воздухъ дѣятельно разрушаетъ здѣсь камень и деревья, къ распространенію и утучненію почвы, то юной почвою природа вполнѣ вознаграждаетъ за недостатокъ теплоты для здѣшней растительности.

Валаамъ не обилуетъ животными, такъ же какъ и растеніями. На водахъ, вдали отъ обители, живутъ попарно чайки, морскіе тетерева или черныя утки съ бѣлымъ перомъ вверху крыльевъ; на Монастырскомъ заливѣ ежегодно плаваютъ пара гагарь. Въ теплые дни августа мѣсяца чайки собираются уже многочисленными стадами на плоскихъ островкахъ, противъ Петровской пристани; а краснобрая утка еще плаваетъ съ птенцами; ныряя вмѣстѣ и выплывая порознь, они садятся на островки противъ обители въ заливѣ. Эту птицу пугаютъ здѣсь только выстрѣлы при ломкѣ камня для построекъ. Здѣшніе журавли сѣрые, на темной головѣ ихъ малиновая темень, передъ шеи съ бѣ-

лой полосой отъ глазъ, клювъ короткій. Пойман-
ные птенцами и воспитанные въ обители, они
вяло ходять по дворамъ, чаще стоятъ, под-
жавъ одну ногу и голову уткнувъ въ крыло;
осенью же покоются такъ въ замерзающей водѣ.
Пѣвчую птицу не привлекають здѣшніе лѣса,
мшистые и поросшіе рѣдкимъ соснякомъ; но она
пролетаетъ ихъ поздней весною. Лѣтомъ, въ глухихъ
мѣстахъ, на соснахъ гнѣздятся: ястреба, орлы,
и замѣченъ былъ коршунъ на скалѣ ос. Свя-
таго; въ высокихъ травахъ гнѣздятся дергачи
(коростели), въ нивахъ жаворонки, на строеніяхъ
ласточки. Круглый годъ живутъ на строеніяхъ:
воробья, сѣрыя плиски и вороны; но голубей,
галокъ, грачей, куропатокъ совсѣмъ нѣтъ на ост-
рову. Обитель не дозволяетъ охотиться за дикой
птицею и не держитъ домашней. Звѣрей еще ме-
нѣе на острову. Въ кустахъ можжевельника и
ольшняка замѣчаютъ норы зайцевъ, въ пескѣ, ме-
жду каменьева, норы лисицъ; волки, не имѣя чѣмъ
поживиться на острову, приходятъ сюда только
зимою, съ ближайшихъ береговъ озера. Впрочемъ
въ лѣсахъ, обильныхъ мохомъ, близъ Желѣзня-
ковъ, около озера Лещева, рыщатъ свободно темно-
бурые олени; весною они выходятъ на ледъ и
грѣются на солнцѣ, стадомъ до 40 головъ, лѣтомъ

встрѣчаются въ каменистыхъ перелѣскахъ, семьями до 6 головъ. Старые изъ нихъ, вышиной съ туземную корову, способны плавать такъ быстро, что никакая лодка не можетъ поспѣть за ними. Обитель не держитъ рогатаго скота; но по необходимости своего большаго хозяйства разводить лошадей, которыя всѣ, числомъ до 60, туземной Корельской породы, не большія, но статныя и проворныя.

Хотя будутъ поверхностны наблюденія путника надъ здѣшной природой, во время его прогулокъ, все онъ можетъ убѣдиться, что Валаамъ—особый міръ. Въ сравненіи съ окрестностью, этотъ островъ представляетъ образецъ древней Сѣверной Финляндіи, не въ большомъ размѣрѣ, но въ полномъ видѣ. Окруженный отвсюду водою, самымъ мѣстоположеніемъ этотъ островъ огражденъ отъ естественнаго вліянія постороннихъ мѣстностей; не можетъ причинить измѣненій въ его природѣ и духовная обитель, которой онъ заселенъ отчасти; поэтому Валаамъ сохраняетъ естественную первобытную юность. Такое состояніе природы какъ кстати соотвѣтствуетъ нравственной жизни иноковъ, стремящихся сохранить первобытное совершенство духовной природы челоуѣка. Въ этомъ соотвѣтствіи, равно какъ и въ

сохраненія Православной церкви на Валаамѣ, со времени начала Христіанства на сѣверѣ Россіи, очевиднѣнъ Промыслъ Божій. Вотъ какой примѣчательной и рѣдкой чертой отличается Валаамъ отъ другихъ острововъ. Чѣе онъ не увлечеть любопытство изъ просвѣщенныхъ жителей столицы, отъ которой отстоятъ такъ недалеко и гдѣ столько есть способовъ преодолѣть всякое разстояніе?

Богомольцы и любопытные стекаются на Валаамъ въ значительномъ числѣ, два раза въ годъ: около Благовѣщенія и Петрова дня. Къ первому празднику пріѣзжаютъ на саняхъ до тысячи человекъ, большею частію жители окрестныхъ береговъ озера. Къ послѣднему приплываютъ: богомольцы съ ос. Коневца, отпраздновавъ тамъ 12 іюня и пользуясь монастырской соймой, паруходъ «Петръ Великій» съ жителями столицы, до полутора ста человекъ, судохозяева съ восточнаго берега озера, изъ села Сермаксы, изъ г. Олонца, съ земляками, взятыми за ничтожную плату, и жители западнаго берега озера на рыбачьихъ лодкахъ. И такъ, если вѣтеръ благопріятствуетъ плаванію судовъ, стекается на островъ до трехъ тысячъ гостей. Тогда на дворахъ обители, вмѣсто прохожихъ, обыкновенно, по одному,

въ черныхъ одѣянiяхъ, съ скромной поступью, встрѣчаются пестрыя толпы молельщиковъ и любопытныхъ, раздѣляющихъ радушно праздникъ иноковъ, и оживленныхъ своими желанiями и обѣтами. Въ эти дни иноки трудятся съ полнымъ, примѣрнымъ самоотверженiемъ для одного гостепрiимства. Они дѣлятъ со всѣми прiѣзжими свою кровь и пищу, каждого привѣтствуютъ, каждому услуживаютъ. Ихъ трудъ въ церквахъ, въ хозяйственныхъ кельяхъ, непрерывный во время праздника, удивляя мiрскаго человѣка, просвѣщаетъ разумъ его истинной добродѣтелью и оживляетъ сердце братской любовью. Къ вечеру праздника настаетъ прежняя тишина въ обители. Передъ отъѣздомъ всѣ идутъ поклониться Валаамскимъ святымъ. Всѣ, по внушенiю сердца, благодарятъ за щедрое и предупредительное гостепрiимство иноковъ: крестьяне не минуютъ принести въ даръ разныя сельскiя произведенiя, а городскiе жители сдѣлать вклады въ кружки церквей. Чуть раздался первый звонокъ отправляющагося парохода въ обратный путь въ столицу, путники и собираются поспѣшно, и жалѣютъ оставить гостепрiимную обитель. Но благословенiе о. Игумена съ братiею, стоящею за рѣшеткой съ краю монастырской горы, посылаетъ имъ утѣши-

тельную надежду побывать здѣсь другой разъ въ жизни, по благополучномъ возвращеніи домой. Между тѣмъ пароходъ распускаетъ свое дымное, искрометное перо, гребетъ красными колесами, какъ лапами, и простирая за собою двѣ расходящіяся волны, несется чернымъ лебедемъ по заливу на пустынное озеро. И разлучаясь, богомольцы и иноки говорятъ мысленно другъ другу: спаси васъ Господи!

